

Ария Мес

ПОСЛЕ РАЗВОДА

ты захочешь вернуться

Ария Тес

После развода. Ты захочешь вернуться

<https://litres.ru/74490294>

Аннотация

- ...Вик. Прости меня, я...не хотел, чтобы так получилось, но...

- «Но», - хмыкаю я, продираясь, как через колючую проволоку, только через собственные эмоции.

Это сложнее. Колючую проволоку можно перекусить, вырезать, уничтожить. Эмоции — нет. Боль нет. Ее невозможно просто взять и выбросить. Боль от предательства любимого мужчины навсегда останется в тебе, как нож, который воткнули в спину родные, самые близкие руки.

- Но ты ничего не мог с собой поделать, да?

Макс отводит взгляд, а потом вздыхает и трет переносицу. Когда он опускает руки и снова смотрит на меня, в его глазах бесконечная тоска и усталость. Это непростой разговор, к которому он готовился долго. Настолько долго, что успел от него устать, и ему совсем не хочется объяснять что-то. Мой родной муж хочет побыстрее все закончить и...уйти, но он стоит здесь, потому что должен стоять здесь и объяснять.

- Я любил тебя двадцать пять лет, и я был тебе верен. Я хотел быть тебе верным до последнего своего вздоха, но появилась она, и я ничего не могу с этим сделать. Борьбаться бессмысленно. Я подаю на развод.

В моей истории не было ничего необычного и эксклюзивного. Все как у всех. Двадцать пять лет счастливого брака закончились тяжелым разводом из-за молодой юбки, которая буквально через полгода заняла мое место. Я сменила фамилию и с головой погрузилась в профессию, чтобы забыть о той боли, что носила в себе ежедневно, пока у бывшего мужа складывалась новая семья. И вот. Прошло два года. Я почти выжила, как вдруг мне поступает звонок в пять утра от младшей дочери. С этого момента все меняется, а клятва, которую я дала себе и Вселенной у здания ЗАГСа после развода внезапно снова вспыхивает: ты захочешь вернуться.

У судьбы свои планы, а еще отменное чувство юмора...Но второй ли это шанс? Или испытание?...

Содержание

О настроении	5
«Первый снегопад»	9
«Нам надо поговорить»	17
«Отчаянный крик сердца, разбивающийся о стену холодного рассудка»	25
«Неугодные»	39
«У тебя нет времени на страдания»	48
«Все может быть»	64
«Развод»	77
Визуал	93
«Герда»	94
Конец ознакомительного фрагмента.	95

О настроении

С порога смотрит человек,

Не узнавая дома.

Ее отъезд был как побег.

Везде следы разгрома. Повсюду в комнатах хаос.

Он меры разоренья

Не замечает из-за слез

И приступа мигрени. В ушах с утра какой-то шум.

Он в памяти иль грезит?

И почему ему на ум

Все мысль о море лезет? Когда сквозь иней на окне

Не видно света божьего,

Безвыходность тоски вдвойне

С пустыней моря схожа. Она была так дорога

Ему чертой любою,

Как моря близки берега

Всей линией прибоя.Как затопляет камыши

Волненье после шторма,

Ушли на дно его души

Ее черты и формы.В года мытарств, во времена

Немыслимого быта

Она волной судьбы со дна

Была к нему прибита.Среди препятствий без числа,

Опасности минуя,

Волна несла ее, несла

И пригнала вплотную.И вот теперь ее отъезд,

Насильственный, быть может!

Разлука их обоих съест,

Тоска с костями сгложет.И человек глядит кругом:

Она в момент ухода

Все выворотила вверх дном

Из ящичков комода.Он бродит и до темноты

Укладывает в ящик

Раскиданные лоскуты

И выкройки образчик.И, наколовшись об шитье

С не вынутой иглой,

Внезапно видит всю ее

И плачет втихомолку.

Борис Пастернак "Разлука"; 1953 г.

На заре - Альянс

«Первый снегопад»

Вика

Меня учили твердости. И четкости. Меня учили дисциплине.

Когда мне исполнилось пять лет, мама впервые отвела меня на каток. Я плохо помню многое из того периода, но очень хорошо помню восторг, который испытала, встав впервые на коньки. У меня получилось очень хорошо, и совсем скоро я погрузилась в мир спорта с головой, а этот мир полон труда и обороны. Вы понятия не имеете, сколько боли и слез скрывается за красивым номером на льду в пестрых костюмах. Вам кажется, наверно, как людям неискушенным, что это все просто — и да, в том вся фишка. Катание должно быть похожим на скольжение бабочки с мягкими крыльями, но черт возьми! Это титанический труд. В этом спорте — как и в любом другом, — никуда без твердости, четкости и дисциплины. У меня получалось очень хорошо, поэтому я все знаю об этих трех китах. Я занималась фигурным катанием на профессиональном уровне, ездила на соревнования, занимала призовые места и даже участвовала в Олимпиаде.

Наверно, я по-другому поэтому и не умею. Только через труд ты получишь что-то ценное, но одного труда недостаточно. Нужна твердость, четкость и дисциплина, только...

Сейчас мои настройки дают сбой.

Я завязала со спортом на том уровне, когда однажды на соревнованиях столкнулась с мужчиной. Хотя он, скорее, тогда был мальчишкой. Всего на пару лет меня старше, Макс Смирнову исполнилось всего двадцать три. Он заканчивал бизнес-факультет крутого университета, а оказался на соревнованиях случайно. Его сестра мечтала заниматься фигурным катанием (и занимался им, но скорее на любительском уровне) и потащила его на соревнования. Она меня знала. Она хотела мой автограф, и именно она... когда-то изменила всю мою жизнь.

Я помню ее задорные хвостики с красными бантиками и восторженные глазки. Арине тогда было семь лет. Конечно, я дала ей автограф и сфотографировалась, но на этом все не закончилось. После моего выступления, в числе фанатов пополнилось. И одновременно сократилось...

Максим заметил меня и влюбился. С этого момента все поменялось...

Он долго добивался моего внимания, потом очень красиво ухаживал, а потом я сдала, как сдалась бы каждая женщина. Я вышла за него замуж, когда мне было двадцать лет, и через девять месяцев у нас родилась наша старшая дочь, которую мы называли Полиной.

Все было как в сказке...

О таких отношениях мечтает каждая. Seriously! Каждая! Макс занимался своей карьерой, когда Поле исполнилось четыре, я тоже вернулась к своей. Конечно, это больше не бы-

ли выступления, но я не роптала. Я спокойно закрыла эту дверь, потому что хотела быть со своим ребенком, но понимала: если я вернусь к прежнему режиму, это будет нереально. Я стала тренировать молодых девочек, учить их и готовить к соревнованиям.

Моя жизнь меня полностью устраивала. Наш большой, уютный дом. Наша семья. Наши отношения. Все «наше» было родом из мечты, и пахло как мечта, и вкус имело фантастический.

Все было хорошо, но...

Спустя двадцать с лишним лет я впервые не могу себя контролировать по-настоящему.

Прикрываю глаза и прижимаюсь лбом к холодному стеклу. Внутри меня все вибрирует, ходит ходуном. Последние пару месяцев, я не могу нормально дышать и не понимаю, что происходит. Но чувствую — что-то происходит. Будто кто-то копошится у тебя за спиной, хотя в действительности это происходит внутри тебя. Словно предчувствие неминуемого падения...

Открываю глаза. За окном фонарь, а под его теплыми лучами собираются крупные хлопья снега. Они падают и падают, покрывая белым все вокруг. Это первый снегопад в этом году, и я обычно любила снег, как и зиму в целом, но теперь все изменилось.

Мне кажется, моя жизнь будто бы закончится этой зимой, и все изменится бесповоротно.

Встряхиваю головой и стараюсь взять себя в руки. Дисциплина! Нельзя пускать всякий бред в свои мысли. Это контрпродуктивно и глупо. Это просто какая-то нездоровая паника! Возможно, все дело в возрасте. Мне сорок пять, и, наверно, это действительно так — все дело в возрасте. В нем появляются какие-то странные мысли, рождаются новые страхи. Например, иррациональный ужас, что все твое родом из мечты рухнет...

Я отхожу от окна и опускаюсь на стул перед пустой тарелкой. Уже почти одиннадцать, а Максима все еще нет. Он стал часто задерживаться, и обычно это означает...

Господи! Не думай об этом, что за бред?! Это бред. Такого просто не может быть. Не становись параноидальной бабой в предклимаксном возрасте. За двадцать пять лет ваших отношений Максим ни разу не дал тебе поводов думать о нем плохо — в этом смысле точно. Бывало всякое. Глупые те, кто верят, что отношения всегда будут ровными и спокойными — у нас случалось всякое. Были и кризисы, и ссоры. Однажды мы даже разъезжались. Но никогда. Никогда! Не было поводом думать, что между нами может встать кто-то третий. Наша любовь...она похожа на рай. Такой любви не бывает...и такая любовь не пускает в себя кого-то еще.

Глупости.

Бред.

Я еще раз встряхиваю головой, роняя на плечи свои светлые волосы, а потом смотрю на телефон. Сегодня я в доме

одна. Наша младшая дочь Карина, которой исполнилось тринадцать, уехала к сестре с ночевкой. Полина живет в городе, поближе к университету, и завтра они с Кариной идут в кино на какую-то подростковую драму. Кирилл — наш сын, тоже живет в городе. Он только поступил в университет. Когда его окончит — нет, не будет бизнесменом. Он ненавидит числа и папин бизнес. Кирилл хочет стать режиссером. У него талант. Папин бизнес у нас должна будет унаследовать Полина — она его девочка, она проявляет не дюжую хватку.

Я слегка улыбаюсь, когда думаю о наших детях. Они все прекрасные, талантливые и примерные дети. Нас очень повезло. И мы семья. Настоящая семья. Откуда такие мысли? Гнетущие? Откуда весь этот бред?

Точно. Возраст.

Нужно отпускать...

В последнее время мы отдалились с Максимом, но это все работа и заботы. Эти выходные мы проведем вдвоем. Осталось только его дожидаться.

Внезапно вздрагиваю и оборачиваюсь на звук тихого скрежета: ворота открываются. Он приехал. В глаза бросаются снежинки, которые продолжают медленно спускаться с темно-фиолетового неба и покрывать все вокруг белым полотном.

На секунду мне кажется, что они делают это с какой-то странной, разрывающей на части печалью. Безмолвные зрители окончания — и от этой мысли мне холодно изнутри.

Будто первый снег в этом году падает не вниз, и не на землю. Он летит хаотично, внутри меня. Он заставляет леденеть душу. Он заставляет ее дрожать в тихом, безмолвном ожидании...

У меня даже руки сводит, так четко я ощущаю все эти странные эмоции. Этот ужас, этот страх и предвестник скорой боли...

Но это все бред.

Это все возраст, это все тишина между нами. Я просто себя накручиваю.

Его шаги раздаются за дверью.

Он топает пару раз, чтобы оставить снег за порогом, но когда открывается дверь, а я встречаюсь с ним глазами, то чувствую...как что-то внутри меня с хрустом ломается.

Снег продолжает падать.

Он тихо наблюдает за тем, как мечта вот-вот разлетится на части...

- Привет, - срывается тихое с губ.

Максим замирает. Он смотрит на меня так, что мне хочется...черт возьми, мне впервые хочется отвернуться. Будто бы вся печаль, все возможные сожаления стали одним большим пластом, который давит меня сверху. Так сильно давит...не продохнуть.

Я вскакиваю.

Мне хочется занять свои мысли, но я занимаю руки. Нервная улыбка разрезает губы, я хватаюсь за ложку, издаю сме-

шок.

- А я тебя тут жду...вот. Решила приготовить романтический ужин. Карина уехала к Поле, и мы останемся на выходные вместе...просто побыть вдвоем и...ну...я соскучилась.

Это правильные слова, как мне кажется. В них нет ничего такого, и они много раз звучали из моих уст. Они для меня # не что-то новое, сказанное впервые, однако...я чувствую внутри себя дикое противостояние. Будто слова эти лучше не говорить. Будто бы потом мне за них будет стыдно. Словно они # это что-то неправильное.

Так странно...

Я даже краснею. Ха! Какая глупость. Прожив с человеком двадцать пять лет, ты не можешь краснеть, говоря об обычных чувствах. О своей душе и своих желаниях. Так быть не должно! Но я боюсь на него посмотреть, как будто на чужого. И внутренне я вздрагиваю от каждого шага Максима навстречу мне.

Он ничего не говорит. Молча заходит на кухню, останавливается рядом со мной, а я замираю. Тишина между нами вибрирует, но тоже не так, как вибрировала раньше. В ней нет тепла, нет страсти, нет томительного ожидания. В ней один только холод и тихое...прощай.

От него пахнет морозом. Холодная рука опускается на мою, а потом хриплый голос выбивает почву из-под ног:

- Вик...нам нужно поговорить.

Так и начинается конец, да? Ведь все имеет конец, и очень

амбициозно думать, будто бы нет.

Но дышать все равно тяжело. В глазах встают слезы. Когда я смотрю на своего мужа, передо мной абсолютно другой Максим Смирнов. Потому что я знала его, как своего, но он больше не мой. И я это чувствую. Всем своим нутром.

А снег продолжает идти. Крупные снежинки сбиваются вместе, падают-падают-падают, молча наблюдая за тем, как что-то вечное неизбежно разрушается...

«Нам надо поговорить»

Вика

Говорят, фраза «нам надо поговорить» — это одна из самых худших фраз, что ты можешь услышать от любимого человека. Я об этом раньше особо не думала, потому что не думала, что в целом услышу от Макса что-то плохое. Мне казалось, что наши отношения получили какой-то особый оберег от гадости и мерзости, ведь даже продираясь через препоны, мы всегда относились друг к другу бережно.

Сейчас же?

Наверно, я с уверенностью могу сказать, что это не «одна из худших фраз», а худшее, что ты можешь только услышать.

Знаю. Есть варианты сказать что-то и похуже. Очевидно. Столько способов разбить человеческое сердце существует, что их не пересчитать и за сто лет. Но! В этом кроется особая «ловушка» под названием *Намнадопоговорить*.

Это коктейль.

Это своего рода особо изощренное уничтожение. Медленное, молчаливое, тотальное. Произнеся эту фразу, человек, сказавший ее, подвешивает за душу на ржавых крюках. И ждет, пока ты задыхаешься.

Повисает трагическая пауза. Внутри тебя разворачивается целая война. Надежда на лучшее борется с холодным цинизмом. Сжигаются вера в лучшее, коптя твою душу, остав-

ляя на ней уродливые пузыри боли. Они лопнут непременно, как каждый пузырь от ожога лопается так или иначе, а на его месте останутся шрамы. Но пока этого не произошло, и пока внутри тебя война — ты умираешь и воскресаешь. Ты моментально теряешься в привычных ориентирах, которые уже не имеют значения. Они становятся пустотой, хотя до произнесения древнего заклинания *Намнадопоговорить* были твоей опорой.

Это заклинание — это Авада Кедавра в мире без магии. Смерть за мгновение, ведь ты никогда не будешь такой, какой была до того, как услышала эти слова. Так что да. В каком-то смысле прежняя "ты" действительно умирает, а новая? Рождается? Я точно могу сказать, что я не похожа на человека, который восстал из пепла.

Мой Максим ударил меня зеленой вспышкой прямо в грудь, уже убил меня. Он начал войну внутри моей души, и хотя там все еще сражается глупая надежда на лучшее, из всех сил оживляя наше счастье и воспоминания, наполненные бесчисленным числом обещаний о вечности и любви, способной преодолеть все... разум знает, что этого уже не будет.

Ты просто смотришь на него и видишь это — ничего больше не будет...это конец.

Даже голова начинает кружиться от той волны ужаса, которая на меня накатывает. Сродни ледяному душу, она пробирается к самой моей сути, привыкшей полагаться на чело-

века напротив.

А там уже его и нет как будто бы...

Максим сидит на стуле, потирая лоб. Он на меня не смотрит. Хмурится, подбирая слова — и это так мило, да? Смирнов подбирает слова, нежно расчлняя одно смертельное оружие от другого.

Он выбирает! Как бы меня поласковее убить.

Я хватаюсь за край стола и выталкиваю из себя:

- Хватит молчать.

Умоляю. Так еще хуже. Хватит молчать, хватит тянуть. Хватит притворяться, будто бы тебе есть дело...

Он поднимает глаза. В них твой приговор.

Черт, я никогда не думала, что меня приговорят именно эти светло-серые глаза. Они похожи на маяк во тьме, но оказались последним, печальным костром, на котором я сгорю дотла...

- Я приехал не с работы, - слышу и не слышу его голос.

До меня не доходит смысл. Совершенно. Однако под пластом непонимания есть то, чего я не могу скрыть, и то, из-за чего начинаю дрожать еще сильнее. Пальцы трясутся. Они скользят по столешнице.

- А откуда? - отвечаю, но будто бы не я вовсе.

Это действительно так. Я стою на своей кухне, а на самом деле меня здесь нет. Меня будто бы нет в своем собственном теле! Я лишь наблюдатель. Словно смотрю какой-то плохой фильм, в котором так очевидна вся соль и драма...

Но я ее не принимаю.

С надеждой хватаюсь за...надежду на то, что нас это не коснется. Никогда и ни за что...

Мы же другие.

Мы с тобой другие!

Малыш, это же не про нас...

- Я встретил другую женщину, - разбивает мои мысли хрипло, - И сегодня я был у нее.

У меня подгибаются колени. Я падаю на стул, и он пугается. Кажется. Я точно не уверена.

Это действительно похоже на смерть — на мгновение я ничего от боли не чувствую. Словно меня изнутри взрывает и разметает на миллион частей! Что никогда уже не будут одним целым...

Я умираю.

Я думаю, это действительно так.

Все привычное уходит мгновенно, но при этом психика не может этого осознать. И я будто бы болтаюсь в лимбе. Там, где все еще нормально и счастливо, хотя одной ногой стою в аду.

Такое странное ощущение...

Прихожу в себя, когда он сидит передо мной на коленях. Его обеспокоенный, полный участия взгляд вызывает во мне тошноту, а руки? Его руки...они касаются моих, сжимая их. Рядом стоит стакан с водой.

Какое участие.

Убить кого-то и принести ему воду — это так...хах, великодушно.

- Вик? Вик, ты меня слышишь?

Я дергаюсь всем телом в сторону, чтобы быть как можно дальше от него. Максим застывает. Его ладонь, которой он касался моей щеки, все еще висит в воздухе.

- Не трогай меня, - выталкиваю из себя.

Задыхаюсь.

Сухой воздух царапает глотку.

Нет. Стоп. Стоп!

Жмурюсь, стараюсь унять внутри себя землетрясение в десять баллов.

- Что ты сейчас сказал?! Повтори.

- Вик...

- Повтори! - мой голос переходит на пронзительный крик.

По голове сзади бьет осознание. Я все слышала. Я все поняла. Но я малодушно боюсь, поэтому даю ему возможность отступить. Не могу назвать себя слабой. Нет, слабость — это не про меня. Мне кажется, я очень сильный человек, ведь только сильный человек может быть спортсменом, и я говорю сейчас не про физику. Я говорю о том, как складывается твоя душа. Только сильный духом может чего-то добиться без протекции, которой у меня не было. Был только талант, желание и жесткая мама, которая воспитывала меня одна и все сделала для того, чтобы я стала человеком.

Нет. Дело не в слабости и даже не в трусости. Потом я осо-

знаю окончательно, что это было обычное желание выжить. Я так крепко вросла в него, а он в меня за двадцать пять лет. Я выросла с ним. Я ничего, кроме этого и кроме него и нашей жизни, нашего быта, наших планов не знала, что я отчаянно старалась удержать то, в чем была уверена. Чтобы выжить.

- Ты меня слышала, - роняет тихо, а потом, протянув свой взгляд еще на пару долгих секунд, он кивает, - И ты поняла, что я сказал.

Никакой пощады...

Я застываю. Я смотрю на него и не верю, что это все происходит на самом деле, но это происходит. Даже несмотря на ощущение абсолютной нереальности, я знаю, что не сплю и что не умерла.

Все взаправду.

- У меня...есть другая женщина, Вик. Мне очень жаль.

- Тебе...жаль? - с губ срывается смешок, а из глаз падают слезы.

Они оставляют кислотные борозды на щеках, от которых кожу жжет.

- Знаю, что ты не веришь, но...это действительно так. Мне жаль. Я этого не планировал, и мне...действительно жаль.

- Как ты мог? - шепчу.

Его тупые, шаблонные извинения для меня ничего не значат. Для кого они будут хоть что-то значить, господи-боже-мой?! Да кому какое дело вообще?!

- Мы же клялись...

Макс поджигает губы и отводит взгляд в сторону, а потом вдруг поднимается рывком и отходит подальше. К кухонной гарнитуре, на которой мы много лет готовили завтраки, обеда и ужины. И не только...

Я снова жмурюсь и мотаю головой. Уродливый всхлип раздирает душу. Я его ненавижу. Я все ненавижу сейчас. Злость стучит вместе с ударами сердца...

- Ну? - вытирая сопли рукавом своей кофты и криво усмехаюсь, глядя на него, - И что же ты молчишь?!

- А что мне сказать? - отвечает бесцветно, глядя на швы плитки под своими ногами — но не на меня.

Думаю, он бы смотрел куда угодно, лишь бы не на меня. И сделал бы все, лишь бы не быть здесь...

Ухватившись за эту мысль, становится больнее. Лучше бы не хвататься, но сделанного не воротишь. Я чувствую это. Ему неловко и не по себе...

- Я не знаю, что сказать, кроме как...Вик. Прости меня, я...не хотел, чтобы так получилось, но...

- «Но», - хмыкаю я, продираясь, как через колючую проволоку, только через собственные эмоции.

Это сложнее. Колючую проволоку можно перекусить, вырезать, уничтожить. Эмоции — нет. Боль — нет. Ее невозможно просто взять и выбросить. Боль от предательства любимого мужчины навсегда останется в тебе, как нож, который воткнули в спину родные, самые близкие руки.

- Но ты ничего не мог с собой поделать, да?

Макс отводит взгляд, а потом вздыхает и трет переносицу. Когда он опускает руки и снова смотрит на меня, в его глазах бесконечная тоска и усталость. Это непростой разговор, к которому он готовился долго. Настолько долго, что успел от него устать, и ему совсем не хочется объяснять мне что-то там. Мой родной муж хочет побыстрее все закончить и... уйти. Это тоже чувствуется, и когда ты прожил с кем-то столько, сколько прожили мы, для тебя все его настроения... очевидны.

Смирнов не хочет растягивать «удовольствие». Он приехал сюда, чтобы отрезать все резко и бесповоротно. Потому что он все решил...

- Я любил тебя двадцать пять лет, и я был тебе верен. Я хотел быть тебе верным до последнего своего вздоха, но появилась она, и я ничего не могу с этим сделать. Бороться бессмысленно. Я подаю на развод.

Удар за ударом. И да. Никакой пощады.

Я знаю этот взгляд — шутка ли? — но так Максим Смирнов выглядит, когда точно все для себя решил. Он будет идти напролом, и он не станет разбазаривать свою нежность. Нет. Не будет нежности. Вся вышла.

Дальше он будет рубить и только рубить, так что щепки полетят в стороны.

Дальше будет холодно...

«Отчаянный крик сердца, разбивающийся о стену холодного рассудка»

Вика

В спорте нет места чувствам. Чтобы выжить внутри этого мира и добиваться высот, тебе нужно научиться держать все свои эмоции в узде, потому что эмоции — это то, что разрушает. Говорят, что нет ничего важнее любви, и что она может побороть все препятствия, но на самом деле это не так. Любовь — это в первую очередь острейшие чувства, это взрыв эмоций на максимальной амплитуде, и, как следствие, любовь...она не помогает. Она дестабилизирует покруче самых сильных подземных толчков, и там, где нужно просто отключиться и смотреть на вещи бесстрастно, чтобы сделать то, что сделать необходимо, ты...просто разваливаешься.

Я это хорошо знаю.

В моей карьере был момент эмоциональной нестабильности. Тот самый момент, после которого карьера в большом спорте была для меня закрыта. Это был миг, когда необходимо было сделать выбор. От него зависело все. И я сделала, конечно, но я хорошо запомнила, как не могла собраться. Я просто...не могла отключиться, проваливая все элементы подряд. Даже самые простые.

Никаких тебе акселей и тулупов, подруга. Никаких лутцев, флипов или вращений. Все просто рассыпалось, потому что чувства брали вверх. Я хотела домой. К мужу, к своему ребенку, а лед стал...тюрьмой. Конечно, мне так же хорошо запомнился и этот миг, ставший последним мгновением, когда я еще могла называться профессионалом...

Я смотрела на себя в отражение ограничителей. Посреди льда, на коньках, с туго завязанной кичкой. Я смотрела на себя и понимала, что все изменилось навсегда. И да, существовала та самая секунда, которая всегда существует, стоит только задуматься о таком серьезном выборе.

Я жалела?

Да. Мне было жаль оставлять все, чего я могла добиться. Еще сильнее жаль было того, чего я так и не достигла. Я не успела взять золото на Олимпийских играх, и весь мой труд — лишь на одно мгновение! — показался пустой тратой времени и сил. Будто бы если я уйду, он станет пеплом! И мне было жаль бросать то, что я не закончила.

Мне было жаль...

Но щемящую тоску очень просто перекрыть звонким смехом дочери и нежным поцелуем любимого мужчины. Я смотрела себе в глаза и четко понимала, что все это уже бессмысленно, потому что вмешались эмоции. Любовь. А я? Я никогда не буду прежней. Никогда не смогу вернуться в стальные оковы разума, как следствие...я никогда не займу призового места, ведь разум всегда бьет сердце. Он делает тебя

сильнее...

Забавно, что спустя двадцать пять лет это происходит снова.

Я смотрю на Макса и понимаю, что сейчас начнется жесть. Мне бы заткнуть свой рот, мне бы ничего не говорить — чтобы выжить! Но обида вырастает до огромных размеров. Разрушительная сила боли подгорает от горького привкуса предательства на кончике языка, которое осталось от признания того, на кого я так много поставила...

Помню еще кое-что. Моя мама. Она была против моего решения. Мы много лет не общались с ней после этого. Из-за того, что я ушла, она назвала меня идиоткой и оборвала связи. Они восстановились лишь после рождения Кирилла, но... даже после этого «восстановились» — это слишком громкое название тому, что теперь есть наши с ней отношения, ведь она не забыла. И я не забыла.

Никто не может забыть слова, сказанные с особой жестокостью. Даже если нет — даже если нет...никто не может вычеркнуть из памяти то, что уже оставило глубокие шрамы на твоей душе.

Мы обе наговорили тогда на очень много шрамов длиной в одну жизнь и глубиной в «досмерти»...

Мама кричала мне:

- Ради мужика ты бросаешь все! Что ты делаешь?! Ты совсем безумна?! Он того не стоит! Он такой же, как все они! Он — предатель, и он обязательно тебя предаст, вот

увидишь! Дура!

Я кричала что-то вроде:

- Ты обо всех мужчинах так думаешь! Даже если бы он был святым, ты все равно нашла бы до чего докопаться! Тебе же одни медали нужны, а мое счастье?!

А потом было:

- Какое счастье?! Он просто будет жить, как ему удобно, пока ты! Господи, ты! Наивная идиотка! Потеряешь все, ради чего столько лет трудилась! Думаешь, он оценит?! Да он тебя использует, а потом выкинет, когда станет скучно! Или, может быть, когда ты постареешь и будешь никому не нужна!

- Как тебя выкинул отец?!

Я до сих пор вздрагиваю от выражения ее лица. Когда думаю о том, что сорвалось с моих губ в тот злополучный вечер...мне до сих пор больно.

Отец бросил нас, когда мне было года три. Я его не помню. Мама о нем ничего не говорила. Я знаю лишь то, что он «вышел за сигаретами и пропал». Точка.

Когда-то я злилась на нее — это тоже хорошо отложилось в моей памяти, — за то, что она мне не рассказывает о нем; и в целом. Его имя, как и слово «папа», было в нашем доме под строжайшим запретом. Мама стала холодной, она была как сталь. На это я тоже злилась, как и на скупость ее эмоций, но...теперь я понимаю.

Кажется, я понимаю...

Когда тебе делают так больно, даже если это неправильно, ты по-другому уже никогда не сможешь. Открыть свою душу значит, получить туда потенциальный удар, который легко может стать последним. И ты защищаешься...ты мечтаешь спрятать свою душу за высокую стену, лишь бы сберечь хотя бы частичку и не задохнуться.

Возможно, я буду делать так же. Нет, кажется, я точно буду делать так...но пока...

Я знаю, что сердце всегда проигрывает разуму. Знаю, что сейчас самым безопасным будет заткнуться и молчать, но... не получается. Меня переполняет густая боль, напичканная ножами, а на ощупь похожая на кислоту. Меня разъедает от обиды, от непонимания. В голове мысли суетятся, и я теряю ровную поверхность.

Мой корабль в крене. Вот-вот потонет...и я потону, потому что не могу заткнуться.

- Кто она?!

Максим смотрит на меня с той самой усталостью, но я вижу ее еще одно мгновение. Дальше все скрывается за отрешенностью и холодом его когда-то любимых глаз. Он смотрит на меня сверху вниз, и я знаю — подсознательно, разумом, который сейчас полноценно не функционирует.

Это как слои.

В моей голове — слои...Верхний обжигает болью и кислотой, а под ним мне шепчет рациональный голос. Просто я его не слышу. Точнее, слышу, но не слушаю — а это две

вещи абсолютно разного порядка; думаю, очевидно.

- Я спрашиваю тебя! - вскакиваю с места и делаю к нему резкий шаг, сжимая ладони в кулаки, - Кто она?!

- Я познакомился с ней полгода назад. Алиса пришла работать в мою компанию. Она юрист.

- Хах...какое клише. И что? Давно вы с ней... - усмехаюсь. Максима открывает рот, чтобы выдать еще одну порцию жестокой правды. Голой и абсолютной.

Но я не могу...

Слезы вырываются вместе с приглушенным от рыданий смехом. Я закрываю лицо руками и мотаю головой.

- Нет, я не могу...не хочу этого слышать.

Дышу.

Еле-еле.

Руки дрожат. И я. Меня настолько изнутри на части, что у меня даже зубы начинают стучать.

Думаю, моя мама назвала бы меня жалкой в этот момент. От ее сильной дочери, способной сделать тройной аксель, не осталось ничего. И она была бы права...

Я раздавлена. Это правда.

Даже не так.

Меня просто уничтожили там, где я совсем не ждала уничтожения. Удар из-за угла, в спину, резко — все это про меня.

Смирнов тихо вздыхает и делает шаг навстречу. Наверно, мне следовало бы отпрянуть, но я стою. Стою, когда чув-

ствую его теплую ладонь на своем плече, а когда смотрю — там новый взрыв боли. Ему меня жаль. Но это не та жалость, которую испытывают к любимой женщине. Ему меня жаль, как родственницу. Как кого-то, кто стал ему близким, но уже не... любимым так, как я бы хотела быть любимой.

- Вик, мне правда очень жаль. Я не ожидал, что это произойдет, и я старался бороться...

- Между ног этой шлюхи?

Его взгляд тут же тяжелеет.

Я помню, как его взгляд тяжелеет так же, когда дело касалось меня. Ну, точнее... меня в прошлом. Той меня, которую любили, как женщину, а не как что-то привычное, но бесполое...

И я знаю, что будет дальше... так хочется закрыть уши руками, чтобы не слышать. Так хочется сбежать! Скрыться! Но я выросла в пол. Я не могу пошевелиться, а он тихо предупреждает.

- Я знаю, что тебе сейчас больно, поэтому на этот раз проглочу, но впредь... Вик, я надеюсь, что ты возьмешь себя в руки и не будешь оскорблять женщину, которую...

Он осекается.

Я вздрагиваю.

С губ срывается шепот:

- Что? Договаривай.

- Я люблю ее, Вик. Я... действительно влюбился.

Кажется, я физически слышу, как хрустит моя душа под

его ногами. Он разбивает надежду, которая тут же мертвым грузом падает на дно моей души; он убивает любой шанс на то, что моего родного мужа просто перекрыло.

Я знаю. Это звучит убого, но такова жизнь. В какой-то момент их всех перекрывает и случается...подобное.

Но нет.

Вижу этот взгляд и знаю: все серьезно. Возможно, не будь оно так, будь все просто, он бы мне и вовсе не рассказал, однако мы тут. На руинах нашего брака. Мы прощаемся...

- Это новость...ошеломляет, но я знаю, что ты придешь в себя, Вик. Ты сильная. Самая сильная женщина...

- Замолчи.

Макс на миг затыкается, а потом убирает руку и смотрит в окно. Он такой красивый...я все еще вижу в нем того, с кем была так счастлива, и мне больнее.

Больнее в миллион раз.

Как отпустить? И как не упасть в ноги, как не начать умолять...остаться? Ведь я себя без него не представляю. В моей душе без Макса...зияющая дыра. Даже вдохнуть полной грудью...невозможно. А как жить, если не можешь дышать?

Безысходность и отчаяние накатывает новой волной смятения. Слезы катятся так, что я не представляю, как смогу перестать плакать. Я смотрю на него, умоляя взглядом прекратить. Соврать. Соврать! Чтобы остаться...

Но он смотрит в окно, и он непреклонен.

Его голос звучит тихо, но твердо.

- Мы разведемся быстро, и это лучше сделать сейчас. Ты прекрасно выглядишь, ты еще молодая, и у тебя будет реальная возможность встретить кого-то. Затяни мы еще немного...нет, так нельзя. Я хочу, чтобы ты была счастлива...

- Но я люблю *тебя*...

Я буду ненавидеть себя потом за эти слова — спойлер, — но я говорю их. Губы горят, а он снова смотрит на меня и добивает жалостью, как к больной. Или как к сбитому на дороге животному.

Но не как к любимой...

Я ведь уже нелюбимая.

И тебе хочется в этот момент рвать, метать. Тебе хочется что-то сделать! Совершить какой-то поступок, чтобы изменить это! Точнее, напомнить. Показать, что любовь вроде нашей никогда не умрет так просто! Что она осталась! Она жива!

Но тут ты слышишь из нижних слоев тихий голос разума, который говорит тебе: это бессмысленно. Все кончено. Он разлюбил на самом деле, а все, что ты будешь делать дальше, унижаясь и падая перед ним на колени — лишь новые поводы себя ненавидеть. У тебя их будет много. Нужно ли еще?...

- И я тебя люблю, Вика, - говорит он тихо, - Но не как женщину. Прости меня. Ты навсегда останешься моей семьей, моим близким человеком и родственником. Ты можешь рассчитывать на мою помощь, и на меня, но...как на близкого человека, а не как на мужчину.

Максим касается моей щеки, стирая слезы, и хрипло добавляет.

- Отпусти меня, - его губы искажает горькая, печальная улыбка, - Так будет лучше, правда. Давай расстанемся хорошо ради всего того, что было между нами. Ради детей. Давай не будет становиться врагами.

- А будем дружить, да? - усмехаюсь.

Смирнов слегка морщится, отводит взгляд на миг — будто сам понимает, что несет полную хрень!

А потом смотрит и кивает, будто бы это осознание легко затыкается чем-то другим. Осознанием того, что мы на это способны? Серьезно?...

- Почему нет? Мы провели вместе чудесные двадцать пять лет, и мы — родные люди. Мы семья. Ты поймешь потом, что я поступил правильно, Вик...

- Ты изменял мне.

- Это не так, - он мотает головой, - Ты же знаешь. Я не изменил бы тебе никогда. Я тебя уважаю.

- А как это тогда называется?

- Мы с Алисой еще не спали.

Надежда снова зажигается, но лишь на одно мгновение, потому что сразу подсвечивается другое.

Еще.

- Но вы будете.

Нехотя Макс кивает.

- Я уйду от тебя к ней, потому что действительно влю-

бился. Я это знаю, и я знаю кое-что еще.

- Что?

- Что тебе никогда не будет достаточно того, что теперь я смогу тебе предложить.

- Ммм...

- Решение развестись тоже далось мне непросто, Вика. Не думай, будто бы это было очень легко. Но я знаю...и ты знаешь...разве ты хочешь жить с мужчиной, который тебя не любит, а терпит? Разве ты хочешь быть рядом с тем, кто думает о другой? Кто скучает по другой?

- Замолчи...

- Я говорю это, чтобы ты понимала: назад пути уже нет и не будет. Лучше сразу это все понять, тебе будет лучше. Ты сможешь отпустить ситуацию и найти свое счастье. Я хочу, чтобы ты была счастлива...

- Замолчи же ты, - всхлипываю.

Макс склоняет голову вбок.

- Ты заслуживаешь большего. Самого лучшего. Того, кто будет тобой восхищаться, а не представлять на твоём месте кого-то ещё. Если я останусь, так и будет. Так уже есть...

Я закрываю глаза и выталкиваю из себя смешок, а потом отступаю. Вот она проблемы эмоций. Я мечусь в агонии своих чувств, а он холоден, как лёд. И я разбиваюсь об этот лёд. Меня за ним не слышат, и не услышат. Я для него сейчас – это просто истерика, которая обязательно закончится. Её нужно всего лишь перетерпеть. Думаю, он даже не подозре-

вает, как это на самом деле больно...

Макс молчит пару мгновений. Но лишь пару...

- Если я останусь, я тебя возненавижу. Рано или поздно, все так и будет. Я не хочу уничтожать память о нашем браке и...

- Уходи.

- Вик...

- Убирайся вон! Я не жалею тебя больше видеть!

Голос режет изнутри. У меня болят связки, и я смотрю на него так, как никогда раньше не смотрела — с ненавистью.

Делаю резкий шаг навстречу и шиплю.

- Не хочешь топить наш брак в ненависти?! Надо было держать свой член на замке, ублюдок!

- Я...

- МНЕ ПЛЕВАТЬ, ЧТО ТЫ С НЕЙ НЕ СПАЛ! ТЫ — УБЛЮДОК!

Часто дышу. Я готова его на части разорвать, ведь снова это чувство — мне хочется сделать что-то, чтобы изменить то, как сложилась наша жизнь. Хочется разрушить этот вечер, стереть его! Уничтожить! Мне хочется...отделаться от этого густого чувства отчаяния и безысходности, от которой руки опускаются и жить не хочется!

И мне хочется сделать ему больно. Господи, как мне этого хочется...так сильно! Что я себя не узнаю!

Я будто обезумела в моменте величайшей скорби...

- Ты забрал мою жизнь. Ты забрал мою молодость. А те-

перь тебе стало скучно! И ты завел себе молодую шлюху!

Его челюсть напрягается. На щеках начинают играть желваки, а взгляд обостряется.

Я хочу по тонкому льду. Но мне плевать. Я хочу этого. Или просто не могу затормозить?...

- Ведь она молодая, да? Сколько ей лет?

- Это неважно.

- Конечно, - усмехаюсь снова, - Разумеется, это неважно.

Стоишь тут передо мной и строишь из себя святого. Знаешь что?! Иди ты на хер! Надеюсь, она тебя раздавит. Надеюсь, когда ты свалишься с инсультом, она тебя бросит одного! Подыхать! В говне и грязи, чего ты заслуживаешь! **УБИРАЙСЯ ИЗ МОЕГО ДОМА, ТВАРЬ!** Я не желаю тебя видеть!

Толкаю его в грудь.

Потом еще.

И еще.

И еще! Пока он не ударяется лопатками о дверь.

Смирнов не сопротивляется. Он молчит. А я не дышу — я задыхаюсь в огне. Из-за тебя.

- Я тебя уже ненавижу... - рычу хрипло.

Макс молча смотрит мне в глаза, и я жду, что он что-то скажет. Может быть, мне удалось его встряхнуть? Напомнить, какой я могу быть отчаянной и страстной? Он любил меня за это. За эмоции, которые я могла ему подарить, но...

Мой родной и любимый муж только кивает. Он молчаливо принимает все мои слова, толчки и оскорбления, подни-

мает свои ботинки и пальто, а потом открывает дверь.

Больше всего на свете я хочу схватить его за руку и никогда не отпускать. Да, за это я тоже буду себя ненавидеть, но...буду благодарить за то, что этого не сделала.

Я просто смотрю.

А он просто уходит, бросив на прощание.

- Я оставлю тебя на какое-то время. Надеюсь, что скоро ты придешь в себя, и мы сможем...поговорить нормально.

Дверь закрывается, оставляя меня в просторной прихожей...продолжать разваливаться на части. И задыхаться. И погибать.

Все закончилось совсем не так, как я планировала. Ни вечер, ни жизнь. Долго и счастливо покрылось снегом — молчаливым свидетелем того, как умирают отношения.

«Неугодные»

Вика

После дней, которые я не хочу вспоминать. После дней, наполненных слезами, злостью и болью. После ночей, лишенных сна и абсолютной растерянности, сменяющейся взрывами из дикого, острого желания все-таки что-то сделать, чтобы сломить эту парадигму. Будто ее что-то может сломить...ха, господи! Будто бы может. Глупости, само собой. Рациональная часть меня прекрасно знает, что это все пустое и бессмысленное. Иррациональная только прыгает, изо всех сил стараясь зацепиться за спасательный круг — но это все пустое...

Я взрываюсь и гасну.

А эти выходные — хуже всего, что со мной было. Даже хуже последних, очень тяжелых родов.

Раздается звонок, который вырывает меня из пучины где-то между сном и реальностью. Я разлепляю опухшие веки, тянусь к телефону и тут же замираю. Застреленная. На экране высвечивается имя моего мужа, как пощечина.

Любимый ♥#

Здесь, кажется, неуместно все. И сердечко, которое мне уже не по возрасту. И глупое слово, не имеющее более ни-

какого смысла. Ноль. Пробел и прочерк — до свидания. Пустота...

Я ощущаю внутри очередную волну боли, которая с кривой ухмылкой лижет стены моей души. Обмывает их. Чтобы снести еще одну башню, последние оплоты моей стойкости. В бездну...

Сначала мне совсем не хочется снимать трубку, потому что я знаю, что его голос опять причинит боль. Сейчас это лишь ее отголоски, но когда я его услышу — меня откатит и пнет прямо в грудь. Я не хочу; мне страшно. Любое разумное существо будет из-за всех сил отталкиваться от того, что обещает ему скорейшую расплату за беспечность. Человек? Особенно. Но...

Но я знаю, что он звонит не просто так. Не ради того, чтобы узнать, как у меня дела. Он звонит по делу, а это может быть важным.

Я собираю все свою волю в кулак, выдыхаю и киваю. Надо говорить. Придется слушать...

- Да? - отвечаю тихо.

Надеюсь, так не будет слышно дрожь в моем голосе. Гордость (или гордыня?) шепчет мне, что именно это поведение будет правильным поведением. Нельзя унижаться. Когда мне станет легче, так я буду себя сильнее ненавидеть...

- Кхм, здравствуй, Вика.

Хмурюсь. Я стараюсь понять его тон, но из-за волнения все его акценты проходят мимо. Повисает пауза. Густая, как

острый кисель, который заливается прямо мне в глотку.

Надо что-то сказать! А я опять не могу. Слабоумие, видимо. Влюбленное слабоумие слабого сердца...надеется...еще на что-то надеется.

- Эм... - протягивает он, - Как твои дела?

Я вспыхиваю. Щеки снаружи становятся пунцовыми — уверена, — а внутри облезают до костей. Злость яркой кометой проносится перед глазами. От его липкой «за-бо-ты» становится тошно. Меня буквально скручивает в бараний рог! И я ненавижу! Так сильно его ненавижу...

За то, что в голосе нет нежности; и за то, что участие его — это всего лишь...ничто. Она ничего не стоит и ничего в себе не несет, кроме подчеркнутой вежливости.

- Давай не будем притворяться, окей? Будто тебе не плевать, - рычу я, - Говори что хотел. Быстро.

- Я не притворяюсь, Вика. Мне действительно...

- Говори, что ты хотел! Или я вешаю трубку!

Повисает очередная пауза. Я стискиваю корпус телефона до боли в пальцах, хмурюсь. Напряжена так, что каждая мышца в теле ноет.

Чего ты хочешь?! Попинать мой труп?! Не дожدهшься. Я тебе не окажу такой чести, сволочь безбожная.

Максим тяжело вздыхает и кивает — я это вижу так ярко, что на мгновение даже пугаюсь. Наверно, нельзя так любить, да? Нельзя было так погружаться. Нужно было оставить что-то себе, а я все ему отдала, и теперь...даже теперь вижу каж-

дое его четкое движение, как будто он стоит передо мной...

Я все могу предугадать. Все знаю о нем. И так нельзя — нужно было оставить что-то от себя себе. Глупая девочка...

- Я просто хотел тебя предупредить, что Карина пока проживет со мной.

Если мне казалось, что он меня не сможет ранить больше...ха! У меня для вас новости. Он может. И он ранит. Прямо сейчас...

- С чего это вдруг?

- Ты сейчас не в состоянии...быть ей нормальной матерью.

Резко сажусь. Все мое состояние стекает по мне куда-то в глубины души. Потом я о нем вспомню, гарантирую, но это будет потом. Когда я буду наедине с собой? Возможно.

- Кто это решил?

- Я.

- А ты кто, чтобы решать что-то о моем состоянии? Ты врач? Ты...

- Я — твой муж.

- Почти бывший. Или разве не об этом ты мне сообщил пару дней назад?

Смирнов вновь медлит. Я бы увидела в этой паузе надежду, правда. Влюбленной женщине много не нужно, чтобы увидеть эту надежду, но...все это пока не имеет значения. Он покусился на святое — на моих детей! И мне это категорически не нравится.

- Эм...да. Но я был твоим мужем двадцать пять лет...

- Не нужно напомнить при каждом разговоре срок нашего заключения друг с другом.

- Видишь? - горько усмехается он, - Ты не готова ни к разговору, ни к...

- Тот факт, что я не собираюсь разговаривать вежливо с подлым ублюдком, не значит, что я не могу быть матерью, Смирнов. Карина вернется домой.

- Нет.

- Что значит «нет»?! Кто тебя спрашивает?! - я повышаю голос, и он делает то же самое в ответ.

- Я тебе напоминаю, дорогая. Я ее отец, и мне не нужно спрашивать чьего-то разрешения, чтобы им быть!

- Вспомнил?!

- Я никогда об этом не забывал!

- Да ты что. Между ног у шлюхи тоже был от...

- Хватит! - рычит так, что я замираю.

Никогда раньше не слышала его таким, не видела — и не могу представить. Наверно, это даже хорошо с какой-то стороны. Похоже, моя душа не на всю его душу легла, так что, возможно, какой-то кусочек меня все-таки тоже остался нетронутый им, но...это больно. Слышать его злость и понимать, что ты ее причина из-за какой-то другой женщины — это больно. Что ты враг ему теперь из-за...нее...это больно.

Я прикрываю глаза.

Макс шумно выдыхает.

- Не провоцируй меня, я не хочу становиться таким.

Ты уже им стал. Что бы это ни значило, ты уже им стал...

Слова застревают в горле. Я хватаюсь за свои плечи, чтобы унять дрожь, но ничего не получается. От безысходности, от бессилия я рассыпаюсь на части...

- Карина поживет у меня неделю, чтобы ты не наделала глупостей. Через неделю, надеюсь, ты возьмешь себя в руки и поймешь, что жизнь не закончена.

- А пока я буду это понимать, твоя телка будет жить с моей дочерью? Правильно тебя понимаю?

- Господи... - еще один глубокий вдох, наполненный усталостью и...раздражением.

Я вызываю в нем отторжение. Он меня не понимает — хотя раньше достаточно было одного лишь взгляда. И дело тут не в том, что мы говорим по телефону, а не глядя друг другу в глаза. Даже соединись мы глазными яблоками, то не видели бы друг друга. И не поняли бы.

Он бы не понял.

Я для него сейчас — это препона на пути к счастью. Я — всего лишь неудобный элемент его прошлой жизни. Вот и все.

- Если ты этого так боишься...

Если?!

- ...Я не собираюсь знакомить Алису с Кариной. Сейчас точно. Пока ты не дашь согласие.

- А если я никогда его не дам?

- В пределах разумного, Вика. Уверен, ты возьмешь себя в руки, и мы спокойно поговорим. Без скандалов и истерик.

- Ты бы этого очень хотел.

- А это преступление? - усмехается он.

Да.

Да, это преступление — с горечью думаю я. Преступлением было позволить себе влюбиться в кого-то, предать меня. Преступление ты совершаешь и сейчас — вынуждаешь меня соглашаться на свои условия. Я знаю, что ты делаешь. Это я точно знаю. У меня нет времени все пережить и понять, ты не даешь даже мгновения на осознание, потому что ты хочешь побыстрее развязаться здесь и уйти в счастье туда. Но тебе плевать, что от моей души остались грязные ошметки, которые ты вытрешь о коврик у двери своего нового дома. Тебе плевать...

У меня нет времени прийти в себя, потому что тебе это не нужно. Ты просто затыкаешь меня и мягко принуждаешь к согласию на свои правила. Через дочь. Вот что ты делаешь, ублюдок...

- О чем нам говорить? - шепчу, а потом до боли прикусываю внутреннюю часть щеки.

Эти слова — яд. Я не на них рассчитывала и не их должна сейчас произносить. Я должна громко ругаться, выкрикивать оскорбления. Я хочу! Я имею право! В этой истории только одна сторона имеет право на навязывание своих усло-

вий — и это пострадавшая сторона. Я здесь пострадавшая сторона, однако...

В жизни, как и в спорте, не всегда все происходит так, как должно. Справедливость — это иллюзия. Я знаю, что Кари-на безумно любит своего отца, и он имеет на нее влияние. Он — так называемый «хороший полицейский», а в каждой истории есть две стороны медали, иначе она бы не работала. Стало быть, я — плохой. Я — строгий надзиратель, который заставляет делать уроки и запрещает зависать в телефоне дольше трех часов в день. Я не разрешаю красить волосы в безумные цвета и ругаю за хамство учителям. Кари-не тринадцать. Она хорошая девочка, но в тринадцать всем нам ударяет в голову корешок зла — это нормально. Наверно. Хотя больше «как у всех», чем нормально.

Макс снова вздыхает.

- Об условиях нашего развода, Вика. О таком, как мы теперь будем жить и...

- И?

- О знакомстве с Алисой. Я считаю, что вам нужно познакомиться. Сначала вам.

- Зачем?

Он молчит.

Но мне не нужен ответ на этот вопрос.

- Ясно. Хорошо, я тебя поняла. Через неделю созвонимся. Сбрасываю.

Руки обессиленно опускаются на колени. Справедливость

— это иллюзия. И меня никто не спросить. Никто и ни у кого не спросит, когда ты переходишь из разряда «любимых» в «неугодных».

«У тебя нет времени на страдания»

Вика

Это гонка на опережение; это марш-бросок. Мне бы хотелось, чтобы здесь было по-другому, иначе. Чтобы хоть раз в жизни я получила послабление, но... увы и ах. Справедливости или банального понимания ждать не приходится. Я четко осознаю, что на страдания времени у меня просто нет; мне его не выделили.

Это гонка на опережение и марш-бросок для роли матери. Мной крутят и вертят, меня буквально шантажируют. Тот факт, что колючие и серьезные условия не прозвучали, не значит, что их нет. Поэтому вот так. Поэтому я снова становлюсь сильной и делаю то, что нужно делать — поглубже запихиваю в себя обиду и боль, киваю своему отражению в зеркале и выхожу из дома.

Снова идет снег. Уже не первый, уже не такой печальный и молчаливый. Это мокрый, гадкий смех, который так и нарочит залезть тебе за шиворот и попасть в лицо, как насмешка судьбы. Ее плевков.

Я сажусь в машину и сдаю назад. Потеснее сжимаю руль, а пока еду — медленно, как можно медленнее... - внутри меня война на износ. Сломанный подспорья. Разрушенные ступени. Мой дом покосился, моя жизнь, как замок из песка, под волной расползается.

Внутри меня стоит пронзительный вой.

Я еду как можно медленнее на встречу, которую никогда себе не представляла. Мне казалось, что может случиться что угодно, но не это. Честно. Я даже не задумывалась, что однажды настанет момент, когда мой любимый мужчина буквально вынудит меня пойти в ресторан на обед со своей новой пассией. Шутка ли? Возможно, но она совсем несмешная. Я — узник своих эмоций, и стук моего сердца потерял былой ровный ритм. Оно стучит с перебоями, а от женщины, какой я была когда-то, ровным счетом ничего не осталось. Нет, я выгляжу хорошо. Даже, можно сказать, свежей. Аккуратная прическа, светлый вязаный костюм. От меня пахнет моими духами, и я действительно красива. Но это лишь обложка — снаружи, как витрина, ведущая в ад. А там внутри я действительно на коленях, и мой тюремщик — это гребаные эмоции, чувства. Это любовь.

Вполне возможно, мама была действительно права, когда говорила, что от любви одни неприятности...

Я ей не сказала. Она звонила мне в среду, как каждую среду до этого. Она спрашивала, как мои дела. Я соврала. Сказала, что все хорошо, но, наверно, она не поверила. Мне так кажется, по крайней мере, потому что мама переспросила снова, перед тем как попрощаться. Она никогда не переспрашивала раньше — да, наверное, почувствовала... Но я опять соврала, и мама это приняла. Думаю, мне было стыдно признаться в том, что она по итогу оказалась права — хотя

я признаюсь. Просто хотя бы здесь мне нужно время, пространство для страдания. Побывать в тишине, понять...раз уж в остальном меня этого лишили.

Каждый справляется с травмой так, как справляется.

Да, мне определенно нужно было время и пространство. Я ведь соврала и детям. Смирнов сказал им, что я заболела ветрянкой, поэтому Карина поживет пока с ним в городской квартире, а когда Поля захотела приехать, чтобы навестить и привести мне лекарства, я сослалась на то, что не хочу ее заражать. Вот так...во лжи мы работали единым фронтом. Скорее всего, в последний раз. Может быть, это мне тоже было нужно: хоть где-то ощутить его привычную поддержку. Как бы глупо это ни звучало...

Паркуюсь перед зданием ресторана. Современный, красивый, большой. Напротив, рядом со мной, стоят хорошие машины. Бизнес-класс. Конечно, Смирнов не повел бы свою зазнобу в какую-нибудь закусочную. Я ревностно прикусываю губу и закрываю глаза.

Дыши.

Не знаю, как это возможно, когда все так разрушается...когда ты вот-вот переступишь порог места, где тебя на части порежут. Как дышать?! Как?!

Это кажется невозможным, и тогда на арену выступает присущее мне упрямство, четкость и дисциплина.

Я делаю глубокий вдох, снова сжимаю руль. А потом рывком отстраняюсь и выхожу на улицу. Мне никто не дает по-

блажек, как и я сама себе не даю шанса на то, чтобы развернуться и уехать отсюда. Даже если очень этого хочу.

Мы говорили с ним вчера. По телефону мы обсудили условия нашего развода, после чего я рыдала несколько часов в подушку. Все, как у всех. Хотя нет. Наверно, бывает хуже. Мой муж все-таки «святой». Он принципиальный. Его намерения сделать меня счастливойбывшейженой — смешны, конечно, но что есть. Хотя бы это есть, и ладно. Наверно.

Он оставляет мне дом, машину, деньги. Он ни на что не претендует, даже больше. Он готов мне помогать. Макс знает, что я хотела открыть свою собственную школу фигурного катания, и он сказал, что поможет найти помещение, даст на это деньги. Короче говоря, все сделает, лишь я заткнулась и просто его отпустила.

Он меня покупает — эта мысль обжигает душу, тоже правда. Но разум взял на себя контроль над моей жизнью, и он говорит: надо брать. Что лучше? Высказать ему все? При этом потерять детей, их уважение. Настроить мужа против себя. Лишиться денег, дома, машины? Ввязаться в судилища? Стать врагами? На это у меня есть силы? Рационально, нет. Мой разум говорит, что лучше всего и удобнее всего...просто отступить. На две войны тебя никогда не хватит, а лучше проиграть в бессмысленной — за того, кто тебя больше не любит, и того, кто тебя предал. Чем более весомую войну — внутри. Ту, в которой ты можешь потерять саму себя. Разрушить до основания то хрупкое, что еще осталось.

Я, правда, выбираю себя. И это, как мне кажется, единственно верное, что я могу сейчас сделать. У него есть связи, деньги. И нет любви. У него лишь разум по отношению ко мне, а значит, главный козырь в его руках — ему не будет больно уничтожить меня. А мне будет. От каждого его безразличного слова — мне больно. Я разрываюсь на части от осознания, что любовь прошла, а помидоры завяли. Даже метафорические.

Поэтому да. Вот так. Я сдаюсь, я принимаю условия игры, я иду на поводу. К дорогому ресторану, внутри которого меня уже ждут.

Двери открываются, в лицо бьет пряный аромат какого-то освежителя. Очень популярного. Что-то с перцем и амброй. Я захожу, сразу поворачиваюсь к гардеробу, куда сдаю свою шубу. Улыбчивая девочка-хостес расправляет плечи и интересуется:

- Вас ожидают?

Черт, лучше бы нет...

- Да, - отвечаю тихо.

К сожалению, увы, но да. Меня ожидают. Смирнов звонил полчаса назад и сказал, что они будут на месте через десять минут. Ничего не сорвалось и не перенослось. Все шло по плану. Выковыривание меня из его жизни продолжается.

Хостес кивает и с улыбкой предлагает пройти в зал. Я иду. Мои ноги — шипы. Они не гнутся, а только загоняют под кожу тонкие иглы, достающие до сердца, а потом еще один

удар.

Я вижу их сразу. Двое устроились у окна, мило воркуют. Мой Максим нежно обнимает свою юную «любимую» за тонкие плечики.

Она действительно юна и прекрасна. Черные, длинные волосы, мягкие черты лица. Улыбка. Светлая и открытая, являющая миру очаровательные ямочки.

В его руках она — хрупкий цветок. Это незаметно взгляду обывателя, но когда ты побывал на месте похожего цветка, то все это чувствуешь на уровне инстинктов. Я вижу, как бережно он ее охраняет, окружая своей энергетикой, как в кокон помещая. Закрывая. От любой непогоды, даже от противного, гадкого снега, который так и норовит харкнуть тебе прямо в лицо.

Насмешка судьбы...

И это дико больно, кстати. Да. У меня от ревности и обиды перед глазами вспыхивает, потому что я вспоминаю, что когда-то он так же со мной...а теперь я за бортом. До меня достает снег, меня от него больше никто не укроет.

Макс замечает меня первым.

Он замирает на миг. Думаю, это привычка. Я вижу в его глазах страх и растерянность, словно его только что застукали за ужасным преступлением! Но пока я иду к столику, у него есть шанс вспомнить: его ни за чем не застукали. Он все сделал по совести.

Ведь так, да? Помните? Я с ней не спал — бла-бла-бла;

я правильный. Я хороший! Мужчина мечты. Всего-то влюбился в юную — тонкую да звонкую — шлюху.

Она — шлюха.

Мне плевать, что обо мне подумают. Но она шлюха. Я не малолетняя дуручка, которая верит в чистые помыслы. Или в судьбу. О нет. Я знаю, что мужчины — слабые создания, и что пока женщина его в оборот не возьмет, он никогда не сделает шага. Так они устроены. Даже Смирнов. Может быть, он сильнее остальных, раз не раздвинул чудные ножки нашей девочки, но по итогу-то что? Он тоже гребаный слабак, который забыл обо всех своих клятвах и обещаниях.

Мне начинает очень сильно жечь палец.

Если честно, то до боли.

Когда-то мы с ним венчались в церкви. На десять лет нашего брака мы решили, что хотим быть друг с другом до смерти. Это ведь и означает венчание, да? Не просто клятва. Это больше, чем просто клятва! Связь. Когда-то она означала именно связь, но теперь...

Я перевожу взгляд на девчонку. Она неловко, слабо улыбается мне. Так мило. Но знаете...я не верю в ее нежные глазки, и эти ямочки меня тоже совсем не впечатляют. Она просто делает вид, будто смущена. Она играет. Ведь ее рука покоится на руке моего мужа. Сверху. А вторая, судя по положению ее тела, лежит на его бедре.

Браво.

Ты почти лучшая в этом актерском этюде. Он, возможно,

не замечает — да нет. Точно не замечает! — но женщину так просто не обманешь. Я вижу тебя насквозь, подлая, мелкая сучка.

- Здравствуй, Вика.

Смирнов встает.

Я молчу долгих несколько секунд, доводя его до напряжения. Плечи, руки, взгляд — все готово к выпад, но...мне нужны эти секунды, чтобы эти выпады как раз подавить.

Получается.

Губы расплываются в улыбке, киваю, но не подаю ему руки. Не смогу. Не хочу! После нее касаться его — нет уж, спасибо.

Я присаживаюсь за стол. Напротив. Другого места нет — а лучше бы за километр! Но это просто нужно выдержать. Как выступление с температурой под сорок в свое время. Если я то выдержала, то и этот маразм выведу. Я себе клянусь! Я знаю, за что я борюсь, и это того стоит.

- Здравствуй, Максим.

Проглатываю горечь, улыбаюсь снова и смотрю на эту паршивую потаскуху.

- Здравствуй...Алиса.

Держи себя в руках.

Давай.

Ты можешь.

Внутри себя — я умираю. Каждая секунда рядом с этой тварью для меня, как удар хлыста, но нужно терпеть.

Мне не дали времени на смирение. Не дали его даже на то, чтобы разобраться и осознать. Меня беспощадно бросили в самое жерло вулкана и сказали: улыбайся, пока горишь. Улыбайся, или ты пожалеешь. Потому что у тебя нет козырей, у тебя одни пробелы. Ты больше не руководишь и не контролируешь ситуацию, ведь ты уже не любимая женщина, ради которой мужчина готов свернуть горы.

Вот она.

Улыбается, разглядывая меня. Счастливая, молодая и довольная. Сытая. Она победила.

- Здравствуйте, Виктория Олеговна.

- Можно без отчества.

К чему этот официоз? Ты отбила моего мужа. Называй меня по имени, ведь в глаза ты смотришь спокойно. В тебе нет стыда. Ни грамма. Ведь победителей не судят, да?

- Да, конечно...простите, - она наигранно-смущенно убирает волосики за ухо и издает дурацкий смешок.

Я еле сдерживаюсь, чтобы не поморщится, потом бросаю взгляд на Максима. Он следит за мной пристально. Готовый к броску в любой момент.

Хочется закатить глаза.

Расслабься, я все поняла. Никаких истерик и скандалов не будет. Дыши ровно, ублюдок. Дыши. Тебе же проще, чем мне. У тебя есть козырь — отсутствие любви. Ты тоже в победителях.

- Ну... - начинаю я, но потом осекаюсь.

Понимаю, что ничего не понимаю. Снова смотрю на Алису, потом на Смирнова, а через мгновение откидываюсь на спинку стула и издаю почти настоящий смешок.

- Не знаю, что говорить. Честно.

Абсурдность ситуации действительно смешит меня. Что нужно говорить в такой ситуации? Что она красива? Что они очень хорошо смотрятся вместе? Полагаю, даже под дулом пистолета я не смогу произнести этих слов без яда и сарказма.

Что мне говорить тогда?

За столом повисает очередная пауза, но Макса моя реакция успокаивает. Он наконец-то расслабляется, откидывается на диванчик и кивает.

- Да...странно.

- Очень странно! - подхватывает Алиса, звонко смеется и кивает пару раз, - Я так волновалась перед встречей. Тысячу платьев померила. Никак не могла понять, как лучше одеться...

Ммм. Любопытно. Правда. Очень.

Хмыкаю и перевожу взгляд в зал в поисках спасительной официантки. Наверно, она это почувствовала той своей стороной, которая играет на волнах женской солидарности. Девочка вскидывает взгляд тут же, улыбается мне и поворачивает в сторону столика, где от неловкости хочется принять контрастный душ, чтобы отмыться. От бреда.

- Вы выглядите очень хорошо, - продолжает Алиса, - Макс

рассказал, что вы всю жизнь занимаетесь спортом.

- Фигурным катанием, да.

Киваю и тут же цепляюсь за официантку, чтобы сделать заказ и вдохнуть немного жизни из чужих рук. Лишь бы не в этом разговоре, лишь бы оттянуть. Я знаю, что мне в горло кусок не полезет, но заказываю кусок торта с чаем.

Официантка принимает заказ у этих двоих — за окном снег становится настырней.

К сожалению, мы слишком быстро снова остаемся втро-ем. Опять неловкая тишина. Я понимаю, что нужно задать какой-то вопрос — так нужно! И выталкиваю из себя то, что приходит в голову первым.

- А чем увлекаетесь вы?

- Можно на «ты», - улыбается Алиса.

Спасибо, сука, большое. Кланяюсь, барыня.

Она начинает рассказывать о том, как прыгала из одного кружка в другой. Искала свое место. Я не слушаю полови-ны, но радуюсь, когда официантка снова нарушает наш ма-разм. Потом грею руки о чашку и думаю, что, пожалуй, с дет-ства все становится ясно. Сначала она прыгала от увлечения к увлечению, теперь прыгает по постелям женатых мужиков.

Простите мне мою токсичность, но для меня это низость и гадость. Я никогда не буду ее уважать, и никогда ее не прощу за то, что она сделала. А она сделала. В романе участвуют двое.

Бред заканчивается моим враньем.

Когда историю о многочисленных увлечениях Алисы подходит к концу, я киваю и вставляю пару реплик, а потом смотрю на часы. Мне никуда не нужно ехать сегодня, я перенесла все занятия, потому что знала, что не вывезу их сегодня. Одного подвига уже много, и лучше совершать по одному подвигу в день. Чтобы не лопнуть.

- К сожалению, мне пора на занятия, - смотрю на Макса. Его девочка хлопает глазками.

- Ой, ну да. Вы же занимаетесь с детками...

Чую, сейчас польются страстно-сладкие комплименты, от которых меня точно стошнит, поэтому я перебиваю ее четким кивком.

- Да.

Это не грубость. Почти. По крайней мере, Макс, наверное, поймет. Вряд ли он ожидает, что я вспылаю любовью к его, простите за тавтологию, любимой. Он не настолько дурак, чтобы этого от меня ожидать.

И так оно есть.

Макс кивает мне, но в его глазах горит понимание. Слава богу, хотя бы тут. Он доволен, что я была вежлива, и этого достаточно.

Встаю. Беру свою сумочку и смотрю на мужа.

(Нужно начать привыкать называть его бывшим — на заметку)

- Я заберу сегодня Карину?

Макс молчит пару мгновений. Он взвешивает и решает, и

пока это происходит, я сжимаю край стола до боли.

Наконец-то он кивает.

- Хорошо.

Облегчение разрывается внутри меня, и кое-как удается сдержать физического вздоха.

Он тоже поднимается и кивает на выход.

- Я тебя провожу.

Ясно. Значит, это не конец.

Внутри что-то неприятно съеживается, но куда деваться-то? Нужно идти до конца. Я иду — первая. Он за мной. Чувствую, что в каждом шаге его мысли. Он размышляет, как бы оторвать пластырь и «не причинить боли».

Смешно.

Прикрываю глаза и возле гардеробной поворачиваюсь к нему лицом.

- Говори уже.

- Что?

- Я чувствую, как ты о чем-то думаешь. Говори прямо, не выкручивайся.

- Я и не собирался, - на его губах появляется слабая улыбка.

Ну да. Конечно.

Складываю руки на груди, готовая слушать. Макс вздыхает и запускает пальцы в волосы.

- Я думаю, что завтра у нас должен состояться разговор.

- Какой (*еще*)разговор?

- С детьми, Вик.

Удар.

Очередной.

Он выбивает почву из-под ног. В основном это... какое-то непонимание, если честно. Я вглядываюсь ему в глаза и шепчу:

- Быстро действуй.

Макс криво усмехается и жмет плечами.

- Мне почти пятьдесят. Боюсь, если буду медлить...

- Помрешь быстрее?

Его улыбка становится чуть теплее.

- Тебе бы этого хотелось?

Да.

Честно, пусть и кровожадно, но да. Было бы проще, если бы ты умер, а не строил стремглав новую жизнь, считая при этом мою. Наскоро. Безжалостно.

Смирнов понимает, что ответа он не услышит — я дала его своим молчанием. Он кивает и добивает меня.

- Я хочу съехаться с Алисой, Вик. Будет правильно быстрее рассказать обо всем детям, чтобы не было... неловких моментов. Ты понимаешь. Любая ложь всегда вылезает, а последствия потом... сложно будет ликвидировать.

Нет, я категорически ничего не понимаю, как так можно, но кто меня спрашивает? Когда Макс что-то решает, то значит, так и будет. Да и потом. Он же именно поэтому мне все рассказал прямо: последствия вранья потом ликвидировать

сложно. И уже не сделаешь вид, будто бы ты святой, правильно? Да и совесть продавит. Заставит тебя идти мне на уступки и терпеть мои правила. Нет, серьезно. Ты молодец. Я аплодирую стоя — это было тонко. Ты хорошо все разыграл, а я дура. Верила тебе, как себе, думала, что ты — ТЫ! — никогда не сможешь поступить так со мной.

Смог. И поступаешь.

Остается только кричать "браво!" и рукоплескать твоей стратегии. Молодец. Обманул влюбленную женщину.

Отвожу взгляд. Воздух застревает в глотке, и я хватаю свою шубу быстрее, чтобы он не заметил, как дрожат мои руки.

- Хорошо.

- Правда? Ты не против?

Губы разрезает горько усмешка. Будто тебе не все равно...

- Нет, не против, - выталкиваю из себя гнусную ложь, - Тебе же почти пятьдесят.

Надо порадовать старика. И старшего, и младшего в том числе. В особенности его.

- Завтра так завтра. Пока.

Я разворачиваюсь, чтобы уйти, но тут моя рука попадает в капкан его лап. Первый порыв — дернуться и отшатнуться, но так как мной сейчас руководит разум, я замираю. Не смотрю — перед собой, за дверь, где разбушевался гадкий снег. Там я сейчас окажусь. Без защиты. Одна...

А Макс шепчет тихо.

- Спасибо... Я знаю, что для тебя это все сложно и... черт, я благодарен тебе. Ты всегда была понимающей и...

- Не за что.

Мягко забираю свою руку и шагаю в сторону выхода. В этот момент я осознаю, что лучше оказаться в буране, чем стоять в теплоте, рядом. Чувствовать его руки, слышать его парфюм и дерьмовые комплименты — все это хуже пытки, которой я подвергаюсь изнутри.

Быть забытой женщиной — хуже всего остального.

«Все может быть»

Вика

Как у хорошей девочки, мои руки покоятся на коленях. Я смотрю перед собой, но ничего не вижу. Нет, не как хорошая девочка, и вообще — это здесь совсем ни при чем. Какая разница, хорошая ты девочка или плохая? В реальности это едва ли определяющий фактор.

Мне казалось, если поступать правильно, быть хорошей женой, выполняя все свои обязательства — это гарант того, что в твоей жизни никогда не произойдет того, что в последнее время происходит слишком часто.

Развод.

Страшное слово для любого, кто дорожит своей семьей, ведь развод — это не просто конец отношений. Это крах. Семьи, надежд и планов. После разводов ты, так или иначе, но меняешься. Становишься кем-то другим. Даже если тебе нравилась ты предыдущая, неизменно на свет рождается версия два ноль. И какой она будет? Этого не знает никто, конечно, но вот что я вам скажу. Женщина, которую разлюбили, и чьим выбором так и не стал выбор «уйти от мужа», станет идентичной с другой похожей женщиной хотя бы по одному признаку. Мне кажется, мы по этому признаку даже сможем друг друга почуять, увидеть, прочитать. Я вспоминаю маму...да, она тоже такая женщина, и мне было непо-

нятно раньше, но теперь...все изменилось.

Я вспоминаю маму и ее потерянный, пустой взгляд. Ее крепость, которой она окружила свою душу. То, как мама избегала прикосновений и держала дистанцию даже со мной. Я все это вспоминаю и...раньше я на нее так обижалась за отсутствие тепла! Господи, как я на нее обижалась...даже во взрослой жизни, когда я поняла, что люди, прошедшие тот период нашей страны, в котором моя мама существовала одна с маленьким ребенком на руках. Люди, которые видели дефицит продуктов, проклятые девяностые. Люди, которым приходилось выживать...они ведь все такие. Не прожженные, но выкованные в условиях выживания, а значит, немного эмоциональные импотенты.

Это не оскорбление, правда. Я никогда бы не оскорбила их, ведь один из таких людей — это моя мама. Как человек спорта я знаю...я понимаю. Да, я понимаю, что когда ты прошел огонь, воду и медные трубы, от чего-то так или иначе придется отказаться. Эмоции — это слабости. И они черствели, чтобы вывезти...

Но сейчас все очень сильно поменялось.

Дело не в этом, дело в том, что сегодня утром, когда я подошла к зеркалу, я увидела такой же взгляд, какой уже видела когда-то давно. Я его узнала. Он был у моей мамы, когда папы вдруг не стало.

Мы друг друга прочитаем и узнаем из тысячи — это так и есть. Такие шрамы будто бы тянутся друг к другу. Словно

магниты. Может быть, в попытках излечиться?...

Я сижу в нашей гостиной. Мои руки лежат на коленях, как у хорошей девочки, но это здесь ни при чем. Я больше не верю в то, что соблюдение моральных устоев и жизни под грифом привычной морали что-то действительно значит. Это все иллюзия. Примерно как справедливость, честно или мужская верность. Я так сижу, потому что знаю: если я пошевелюсь, то непременно распадусь на маленькие частицы.

- В смысле разводиться? - произносит Полина.

В гостиной, где когда-то стоял смех и тепло, теперь воздух лопается от напряжения. Все молчат. Я чувствую на себе ее взгляд, чувствую взгляд сына, а краем взгляда вижу, что Карина растерянно смотрит сначала на Макса, потом на меня. И опять на него. И опять на меня. Она ждет, что мы рассеемся? Девочка моя...мне так жаль. Думаю, ей по итогу придется сложнее всех.

Кирилл напряжен. Полина тоже. Они сцепили руки на груди, словно сговорились. Но в них больше злости, чем растерянности, а вот она...

Карина ждет, что мы подпрыгнем, засмеемся и скажем что-то вроде «розыгрыш! Ха-ха! Вы что, поверили?! Сумасшедшие!»

Но этого не будет.

Может быть, мы и сумасшедшие, но по другому определяющему вектору.

Макс откашливается. Я молчу. Не хочу участвовать в этом разговоре, если честно. Возможно, я поступаю по-детски и глупо, но раз он все это начал, то пусть договаривает и вывозит сам. Как мне кажется, это будет честно и справедливо. Если жизнь ее мне давать отказывается, то я возьму сама, правильно?

Прикрываю глаза и тихо выдыхаю.

Господи, какой правильно? Я веду себя, как идиотка...

Поднимаю глаза и сразу сталкиваюсь с дочерью. Полина продолжает на меня смотреть, она ждет. А я теряюсь. Что мне сказать?...

- Это не та новость, которую вы хотели бы услышать... - говорит тихо Макс, - И мне жаль, что приходится вас так... тревожить.

Тревожить. Ха! Какое слово подобрал потрясающее...

- Но, к сожалению, это правда. Наши с мамой отношения...закончились. Мы приняли...

Я резко перевожу на него предупреждающий взгляд. Если ты, сука такая, вздумал спихнуть на меня хотя бы грамм того, что здесь сейчас происходит...клянусь, я заставлю тебя об этом пожалеть. Клянусь!

Макс считывает мое настроение моментально, отводит глаза и кивает пару раз.

- Нет. Я принял это решение...

- Не понимаю ничего. Вы же...не те, кто разводятся.

- Полин...иногда так случается.

- Это вранье! - вскрикивает Карина, а через мгновение вскакивает на ноги.

Я вздрагиваю. Непроизвольно протягиваю к ней руку, чтобы перехватить. Точнее, подхватить, обнять. Приласкать. Но дочь отшатывается. Она начинает часто дышать. С ее глаз скатываются огромные слезы.

Самое болезненное для любой матери — когда твой ребенок плачет, а ты ничего с этим не можешь сделать. Я не могу, потому что на самом деле, никакие объятия и никакая ласка не помогут. Прикосновения не вернут твою прошлую жизнь. Это тоже одна из сказок, в которые хочется верить, но получается верить только до момента, когда ты вынужденно проверяешь ее на практике.

Тогда все разлетается на части... неизменно.

- Вы не можете! Не можете!

Карина громко всхлипывает. Макс тоже тянет к ней руки, но она отскакивает и от него, а потом разворачивается и убеждает из комнаты, где все еще стоит оглушающая тишина.

- Я...кхм, пойду к ней, - тихо произносит он, встает и, не глядя ни на кого, выходит вслед за младшей дочерью.

Нельзя такое говорить, но...я рада, что это так. Не знаю, как справилась бы с ее истерикой и не знаю, что отвечать на вопросы, которые она непременно задаст. Мне хочется верить, что если бы мне дали чуть больше времени, все сложилось бы иначе, но...наверно, мы никогда этого не узнаем.

Я вздыхаю и откидываюсь на спинку дивана. Наши стар-

шие дети уже взрослые. Для них это тоже удар, разумеется, но...в них больше...мудрости, наверно? Или они просто старше, чтобы так реагировать на правду о своих родителях.

О том, что мы тоже люди, и что с нами такое легко может произойти. Все может рухнуть даже у нас...

- Значит, ты мне соврала, когда я тебе звонила. Да?

Перевожу взгляд на Полину. Она приподнимает одну бровь, ожидает ответа. Хотя знает его. Моя дочь очень умная, она все хорошо понимает. Максимально быстро складывает части даже такого отвратительного пазла...

Жму плечами.

Все еще не хватает слов. Мне кажется, что если они и есть, я просто не успеваю за них ухватиться — все тает. Исчезает. Рвется и разносится по ветру...

Так глупо...

- Он захотел, да?

- Да.

- Дай угадаю, - усмехается она, - Неужели у него кто-то появился?

Хмурюсь.

Пожалуйста, не говорите мне, что она была в курсе... Вика работает в компании отца. Она работает с ним, а значит, и с этой сукой.

Она ее знает...

Боже.

Я об этом даже не подумала, но...она ее знает! Какой кош-

мар...

Онемев, ощущаю, как к щекам прилила кровь. Дышать становится сложно. А Поля усмехается зло и кивает пару раз, убираю за уши свои светлые волосы.

- Господи, ну разумеется...ублюдок.

- Ты что-то...знаешь?

Дочь повторяет за мной, резко вскидывая взгляд. Тяжелый и острый.

- В каком смысле «я что-то знаю»?!

Что?

Хлопаю глазами. Мямлю.

- Ну...ты просто так сказала...

- Я имела в виду, что все мужики — кобели и сволочи. С чего ты...

Поля замирает. Кирилл рядом закатывает глаза и шипит.

- Ну да, ну да. Вечная песня о главном — все мужики сво...

- Тш!

- Не шикай на меня! - он фыркает, а потом добавляет, - Все зависит от человека, а не от пола. Ясно?! И если кому-то по кайфу трахаться на стороне, это не значит...

- Да заткнись ты со своей философией! Мама! Что это означает?!

Я тереблю края своего кардигана. Если честно, мне было страшно вступать в этот разговор...отчасти из-за того, чем он может кончиться.

Было страшно остаться одной.

Это тоже нужно признать. Все мои дети вполне могли выбрать сторону Макса. Почему бы и нет?

Но нет.

Представляете?! Нет. Они не кидаются на меня с оскорблениями, не топают ногами и не винят меня. Это шок, ведь бывает всякое... ты никогда не знаешь, как повернется родное лицо в стрессовой ситуации — гарантировано, проверено, подтверждено.

- Мам?!

- Он встречается с девушкой, которая... с ним работает, - шепчу хрипло.

Полина и Кирилл смотрят на меня одинаково. Их лица вытянулись, как по щелчку пальцев, а через мгновение напрыглись. Тоже по щелчку пальцев.

- С кем? - цедит она.

- Вот ублюдок, - вторит ей Кирилл.

Я растерян молчу. Что на это говорить? Даже если бы я хотела — снова, — вряд ли смогла что-то придумать. Правда. Я сейчас несильная спортсменка. Я ей никогда и не была в этих стенах. Здесь я привыкла к роли хрупкого цветка, и я сейчас — он. Да, воспитание у меня всегда было строгое, ведь я другого и сама не знала, но в моменты близости... я не закрывалась, как мама. Я старалась дать им максимум своей души. Всегда. А душу отдавать из-за стен своей крепости невозможно...

- Я не думаю, что это мне нужно рассказывать и...

- Мам!

- Алиса. Юрист.

Кирилл смотрит на Полю. Он понятия не имеет о том, как устроена компания отца. Ему это неинтересно. Но она...она знает.

Я вижу, как сжимаются ее кулаки, а когда слышу шаги Макса, знаю, что сейчас все закончится взрывом.

Так и происходит.

И снова. Мелочно? Но я радуюсь, когда дочь вскакивает и выплевывает, стоит Макс показать в дверях.

- Ты трахаешь телку, которая старше меня на пару лет?! Эту тупую шкуру?! Серьезно?!

Мой взгляд снова не имеет контроля. Я поднимаю глаза и сталкиваюсь ими с Максом.

Он меня сейчас ненавидит.

Ему не за что. Поэтому и молчит. Я здесь ни в чем не виновата! Да. Это так. Единственный, кто во всем виноват, это он сам. Но! Думаю, такие импульсы контролировать невозможно. У него к ней чувства. А я — всего лишь помеха теперь. Перед относительно комфортной жизнью без перемен.

Но это победа.

Это моя победа, хотя бы одна. Дети встали на мою сторону. Даже Карина, которая не спустилась с ним. Она осталась в своей комнате.

Я победила...здесь я одержала победу.

- Алиса — не шку...

- Тебе лучше уйти, - перебивает его Кирилл.

Макс выгибает брови.

- Да ты что?

- Да, - кивает Полина, складывая руки на груди, - Тебе пора. Время позднее, а твоей малолетке нужно еще сказку на ночь почитать. Своим членом.

- Фу, - усмехается Кирилл, но дочь даже бровью не ведет.

Она буравит тяжелым взглядом Макса. Она с ним сражается. А я горжусь...даже если она заступается не за меня, а не рада выбору пассивности своего папаша...я рада. Она сильная. Она не окажется на моем месте.

Но и ты была сильной, да? Помнишь?...

- Тебе напомнить, что я твой отец? - говорит он тихо.

Поля усмехается, отгибает уголки губ и хмыкает.

- Хорош отец. Я так тобой горжусь.

- Полина...

- Уходи, - Кирилл тоже поднимается на ноги, - Тебе реально пора сваливать. Если ты ждал, что тебя здесь все поддержат, улыбнутся и кивнут в ответ на твою хрень — ты ошибаешься. Вали.

Я ощущаю, что он сейчас непременно посмотрит на меня, чтобы найти поддержку, но я не хочу давать ему поддержки. И боюсь, что дам. Сердце не выдержит — мы же женщины...такие. Сердобольные порой, а порой это доходит до абсурда. Так что да, я могу. Легко. Учитывая, что у меня серд-

це рвется от желания вернуть все обратно...

Нет. Нельзя. Нельзя смотреть на него! Я не выдержу.

Отвожу взгляд быстрее, молчу. В гостиной снова повисает тишина, а потом раздаются его шаги.

Макс уходит.

Входная дверь закрывается тихо, и тихо до тех пор, пока не отъезжает его машина...

Мы втроем храним молчание.

- Охренеть... - первым его рвет Кирилл.

Я смотрю на него, и тут триумф лопается, обдавая меня ударной волной. Я вижу в его глазах...как что-то очень важное умирает.

Может быть, даже вера в любовь.

- Мне жаль, - зачем-то извиняюсь.

Сын хмыкает и жмет плечами, будто ему неважно совсем. Но это не так. Мать не обманешь...

- Ты здесь ни при чем. Не ты же заставила его уйти из семьи из-за какой-то телки.

Не я...но мне все равно стыдно. Иногда говорят, что в измене виноваты оба. Может быть, я тоже сделала что-то не так и где-то, чего-то недодавала. И, возможно, стоило бы прояснить этот момент...для чего? Не знаю. Заткнуть пустые щели, дыры. Банально разобраться, но...с другой стороны, почему я должна это делать, если он не захотел?

Ни с чего.

Макс посчитал, что наши отношения недостойны борьбы.

И я не буду. Никаких разборок, никаких выяснений — мне плевать.

- Схожу к Карине, - говорю тихо, встаю.

Поля кивает.

- Сходи. А я сделаю чай.

- Эм... а я... тоже что-нибудь сделаю. Не знаю, правда, что, ведь делать ничего и не умею, но... помогу.

Слабо улыбаюсь, ерошу его волосы и киваю.

- Шутник.

- Ты как? - срывается с его губ.

Я задумываюсь. Как я? Могло быть хуже. Определенно. Если бы этот разговор закончился в лучших традициях всего самого ужасного — а именно позиция моих детей, которые выбрали бы Макса... да, тогда я бы определенно ощущала себя намного хуже. Настолько намного, насколько никогда себя не ощущала. Даже в самые, казалось бы, тяжелые периоды моей жизни. И пусть мы здесь в целом говорили не про выбор, я это осознаю, однако... все-таки это было про выбор. Все-таки так...

- Не так плохо, как могло бы быть, - слабо улыбаюсь и киваю, - Спасибо вам за поддержку.

Кирилл недолго смотрит мне в глаза, а потом кивает.

- Не вопрос.

Не вопрос.

Я разворачиваюсь и покидаю гостиную. Босые ноги обжигает холодная плитка, но это неважно. Я думаю лишь о том,

что скажу Карине, как я это скажу. Как утешу. И до меня доносится последнее сказанное Кириллом тихо:

- Мда...круто поговорили, правда? Где-то рыдает один Тарантино. Даже он не написал бы таких потрясающих диалогов, я так считаю.

Поля издает тихий смешок.

- Смешно.

- Но мы же оба понимаем, что так все не кончится, да?

- Да...понимаем.

Я постаралась не акцентировать внимание на этих словах. Как мне кажется, осознанно. И это было что-то из разряда "решать проблемы по их поступлению", потому что сразу...нет, я бы не вывезла. И это была моя главная ошибка? Или в целом, так как этот разговор был не про выбор, выбора, как такового, у меня и не было? Не знаю. Все может быть.

«Развод»

Вика

Наверно, нам всем хочется справедливости, и это то желание, которое есть с нами с самого рождения. Помните? Как в детстве ты видишь, как, например, кто-то обижает маленького или более слабого? Сразу хочется встать на дыбы и выступить в защиту пострадавшей стороне. Это то желание, что еще не подпортил опыт, груз решений и взрослой жизни. Оно искреннее и чистое — оно действительно о справедливости. Потом все, конечно, становится несколько сложнее...

Порой я думаю об этом, правда. Я вспоминаю, как просто было когда-то, когда ты делил этот мир ровно пополам: черное и белое. Если было плохо, то это было плохо. Если хорошо, то хорошо. Насколько просто нам было там, да? Где не было оттенков и разных ракурсов. Всего один ориентир — общепринятый и твердый. Тебя не болтало и не корбило, да и мыслей было в голове в несколько сотен раз меньше, чем сейчас. Порой я грущу, что взрослея мы теряем ту самую твердую почву под ногами. С возрастом на нас накладывается не только ответственность, но и слишком много развилочек. Слишком много...

Мне бы хотелось, как в детстве. Чтобы не было разных оттенков и разных ракурсов. Чтобы все стало однозначным и максимально твердым как скала. Да... я бы хотела обратно

в детство, где справедливость могла быть только одной, а не миллион вариаций, где каждая — правильная.

Я выхожу на улицу и сразу получаю удар ветра в лицо. Он служит тем самым напоминанием, что теперь мне предстоит самой вывозить все погодные циклоны, но что он? Сумка прижимается с правой стороны, а из нее валит жар. Там лежит аккуратная папочка синего цвета, в которой бережно засунуты документы. О моем разводе.

Как будто прошло сто лет...

Нет, на самом деле. Прошел всего месяц, и сегодня поставлены окончательные точки. Я стою на верхней ступени зала суда, и я сбежала. Мне нужно было на воздух!

Сил никаких нет, и дышать безумно сложно...

Месяц без двух дней. Ровно столько прошло с того момента, как моя жизнь резко перевернулась и встала ко мне задом. Я потеряла своего мужа, лишилась твердой почвы под ногами, ориентиров и дома. Да, вы не ослышались. Смирнов, как и принято, если ты считаешь себя принципиальным и правильным «хорошим» человеком, оставил мне дом, но я не могу в нем находиться. Это все равно, что жить на кладбище, при этом имея способность видеть призраков.

Мой дом густо населен призраками. Нас.

Я вижу нас каждый раз, когда захожу в гостиную или иду на кухню. Я вижу воскресное утро и слышу запах традиционных оладушек со сгущенкой, которые мы всегда готовили вместе. Когда я захожу в нашу спальню, я вижу его ря-

дом со мной — Макс подкрадывается и обнимает сзади, а потом страстно, горячо целует. Я вижу наш секс на теперь уже остывшей постели, вижу его прикосновения и чувствую фантомной болью все поцелую, слышу слова...

Я вижу сплошные кошмары.

Почти каждую ночь мне снятся сны о нас. О счастье, о доме, о семье, которая была...вообще-то, очень счастливой. Правда. И во сне я счастлива, а когда просыпаюсь — это ужасно больно...становится так дико больно! Потому что я вспоминаю обо все , что произошло так стремительно, и меня накрывает с головой.

Хах...

Последний сон, как мне кажется, был особенно жестоким. Я видела праздник в честь наших отношений. Тот самый. После венчания. Наши друзья, семья, наши дети — мы! И он говорит тост, глядя мне в глаза. Он говорит о том, что будет всегда меня любить, но...

Жизнь, оказывается, бывает жестока, а что справедливость для одного...ловушка и смерть для другого.

Говорю же. Вопрос угла обзора, но раньше нас об этом не предупреждали...

Да и о многом не предупреждали, будем честными. Нам читали сказки и говорили, что если быть хорошим, так будет и с тобой. И муж твой будет рядом, и дети твои...тоже будут с тобой.

Мне кажется, вот сейчас, пусть я стою на верхних ступе-

нях, на самом деле болтаюсь на дне. Как можно потерять все по одному щелчку? Не понимаю... Как все может настолько поменяться?...

Мой триумф на семейном разговоре оказался лишь верхней нотой отвратительного парфюма. Это, конечно же, было пустым. Наверно, я изначально на то и рассчитывала, но мне хотелось спрятать голову в песок и выдохнуть. Вот...спрятала.

Два дня до месяца осталось, а мои дети общаются с ним. Не так, конечно, словно ничего не произошло, но они общаются. Поля работает в компании отца, а Кирилл...он недавно приезжал и сказал, что Макс изо всех сил налаживает с ним контакт. Он попросил меня извинить его за то, что у него недостаточно сил послать отца раз и навсегда. И он просил о понимании:

- Мам, я не поддерживаю его, - тихо сказал он, сжимая мою ладонь, - Но он мой отец. Надеюсь, ты поймешь, что...я просто не могу порвать с ним связь так резко, как, возможно, должен. Я хочу...быть Швейцарией. Прости, но...я мог бы соврать, но знаю, что потом ты непременно узнаешь. Кому тогда будет лучше, да?...

Мне хотелось орать и рвать на себе волосы. Так нельзя, скорее всего, говорить и думать, но да. Да-да- да, я обрадовалась, когда мои дети послали его, а когда они пошли на контакт, я их возненавидела. Меня снова как будто бы предали, но это...это лишь другой фокус зрения. Полина отно-

сится к нему жестче остальных, но этого тоже недостаточно. Она постоянно приезжает и ругает отца почему зря, а мне мало. Мало!

Наверно, я бесконечная эгоистка...

- Вик? - руки касаются теплые пальцы.

Я резко поворачиваю голову и сразу же отшатываюсь. Смирнов стоит рядом со мной. Ворот двубортного пальто поднят кверху, он ежится от ветра. Он хмурится. Меня так раздражает это благочестивое выражение гребаного лица, и этот проклятый, уродливый взгляд, наполненный жалость!

Будто тебе есть дело ! Будто есть...

Ему все равно. Я это знаю. Все его переживания — это фасад. Если было бы иначе, он бы не сделал того, что сделал только что...

Слышу тихий цык. Моя реакция ему не понравилась:

- Вик, пожалуйста. Давай не будем скандалить, ладно?

Ты разбил мое сердце и отнял мою дочь. Это я хочу сказать! Это я хочу ему выплюнуть и растереть о наглую морду! Потому что он отнял ее, он ее забрал.

Сегодня состоялось слушание по поводу опеки Карины, где она тоже выступала. Дочь изъявила желание жить с отцом. До истерики. И теперь она живет с ним, а я — "воскресная" мама.

- Ты же знаешь детей, Вик. Карина тебя любить меньше не стала, она просто напугана. У отца новая жизнь...

(Шлюха)

- ...и она боится, что я о ней забуду. А ты будешь всегда.

Это комплимент...

- Ммм...

Хороший комплимент. Карина устроила истерику, лишь бы не оставаться со мной, как будто я монстр и сама все разрушила! Как будто это я «влюбилась».

Господи, какой бред...

Мне кажется, я рухнула на дно своей жизни и вряд ли оттуда смогу подняться обратно, потому что...если честно, я ненавижу их всех. В этот момент —точно. И дочь за ее скудоумие, и сына за трусость, и Полину за то, что она не может порвать отношения и уйти из компании отца, ведь она «слишком много вложила сил в то, чтобы там работать».

Наверно, я должна их понять. Наверно, так бы поступила нормальная мать. Вся из себя «понимающая и всепрощающая». Любительница подставлять вторую щеку, когда ее обижают и когда об нее вытирают ноги.

А у меня не получается!

Говорят, родители обладают безусловной любовью, но я другой родитель. Сказать по правде, я никого из них не хочу больше видеть.

Я чуть не умерла, когда рожала Карину, и это до слез обидно. Потому что ей плевать. И Кириллу плевать, и Полине плевать. Макс — особенно сильно! Я всю свою жизнь отдала им, а они меня...выбросили. Вот что я ощущаю. Даже слышу запах гнилья из огромного мусорного бочка, в кото-

ром я вдруг оказалась. По щелчку пальцев.

Отвожу глаза, когда слышу, как открывается дверь суда. На улицу выходит Карина. Я не хочу ее видеть и не хочу с ней говорить. Мне плевать, что во мне, возможно, проснулось что-то детское — то самое, делящее мир на черное и белое. То самое, ищущее справедливости — но я не хочу! Они не сделали ничего плохого. Я это знаю. Можно сказать, они просто самоустранились — и в этом тоже, полагаю, есть доля здравого смысла, но сейчас... я на него просто неспособна.

Делаю шаг, но Макс снова хватает меня за предплечье.

- Вика, остановись.

Чтоб ты сдох.

- Мам... - тихо шепчет Карина, - Мам, прости меня за то, что я сказала в зале суда, но... я же буду к тебе приезжать! Мы будем проводить все выходные вместе.

Иди в задницу, предательница.

Тихо.

Я жмурюсь, так как мысли и слова жгут меня изнутри. Господи, кем ты меня сделал... ублюдок. Кем ты меня сделал!

- Карин, иди в машину, - говорит тихо он.

Смирнов знает, наверно, что я ничего не скажу в ответ. Я буду молчать. Я просто буду молчать — это самое безопасное, что я могу сейчас сделать. Молчать. Тихо. Чтобы не наговорить того, о чем я пожалею, но и врать тоже желания нет. Правда. Я просто не смогу притвориться женщиной, которая

все прекрасно понимает и принимает безоговорочно.

Карина стоит рядом. Я чувствую, как она на меня смотрит и ждет, что я отвечу хотя бы на взгляд. Что я сделаю это. Благословлю. Дам ей понять, что она поступила правильно, и что все нормально. Все хорошо —но я упряма настолько, насколько сильна моя боль.

А это пытка...

Вот так взрослая жизнь тебя крутит и вертит. Нет черного и белого, здесь есть только оттенки, а чувств слишком много. Они сбиваются в кучи и атакуют тебя с разных сторон. Они тебя разрывают...

Карина тихо всхлипывает, разворачивается и спускается по ступенькам. Только тогда я смотрю на нее и ненавижу теперь себя. За сгорбленные плечики, за то, что она кулачком вытирает свои глаза.

Я ненавижу, правда. Но я молчу. Возможно, когда-нибудь я пойму, почему это так.

- Ты поступаешь жестоко, Вик.

С губ срывается смешок, и я смотрю на уже бывшего мужа, выгибая брови.

- Ты мне будешь рассказывать про жестокость?

Он склоняет голову вбок, и я буквально слышу тот-самый-цык, которые проносятся у него в голове подобно комете. Наверно, ему приходится приложить максимум усилий, чтобы его не озвучить.

- Она-то здесь при чем? - тихо произносит Смирнов, ис-

пользуя свой самый ублюдский тон.

Правильный. Наставнический.

- Пытаешься меня виноватить, да? Интересно.

- Вика...

- Не нужно произносить мое имя, будто оно какое-то заклятие, окей? И будто бы это что-то поменяет. Я чуть не сохла, когда ее рожала, а ты отнял мою дочь.

- Я ее не отнимал.

- ...потому что ты хороший, а я злая. И теперь моя дочь будет жить с твоей малолетней шлюхой. Нормально, да? Тебя все устраивает. Этого ты хотел. Ты не думал обо мне, только о том, как тебе будет удобней.

Его взгляд становится острее и опасней. Я снова это сделала. Я снова перешла черту, но, если честно, мне сейчас абсолютно плевать. Внутри меня огонь и война, летают снаряды, свистят пули. Наверно, я могла бы даже дышать огнем, и я сейчас до дрожи в поджилках хочу его убить.

Правда.

Эта готовность даже пугает, потому что я почти физически ощущаю, как руки сжимаются вокруг его горла. И мне нечего больше терять...

- Я тебя ненавижу, - выплевываю.

Он роняет брови на глаза. На миг я вижу отголосок боли, но может быть, мне это только показалось. Потому что все тает — ничего не остается еще через одно мгновение.

Макс криво усмехается.

- Может быть, если ты начнешь себя иначе вести, то не будешь для нее плохой? Ты об этом не задумывалась?

- То есть, это тоже моя вина?

Макс устало вздыхает и посильнее поднимает ворот своего пальто.

- Нет здесь виноватых, Вика. Так просто случилось, вот и все. Но, знаешь? Быть может, если ты перестанешь искать крайних, то поймешь, что твои отношения с Кариной зависят не от меня, а от тебя самой. Конечно, если тебе удобно так, то можем сыграть и в эту игру. Вيني меня дальше, посмотришь, что будет.

- И что же будет?

Он смотрит мне в глаза пару долгих секунд, а потом заколачивает гвоздь в крышку гроба.

- Ты сейчас чертовски похожа на свою мать. Ты знаешь, что это означает. Ты лучше всех это знаешь.

Я вздрагиваю, а он отводит взгляд и бросает коротко.

- Я позвоню в четверг, чтобы договориться о Карине. Сделай одолжение: если ты почувствуешь, что не можешь быть собой рядом с ней, скажи мне это прямо. Я хочу оградить ее от травмы, которую ты можешь ей нанести, даже если этого не хочешь. Пока.

Он не дает мне ответить. Макс набирает скорость и сбегает по ступенькам, оставив меня в очередном провале. На очередном дне.

Только и остается, что смотреть ему в спину...

Память услужливо подбрасывает образы прошлого. Того самого кошмара, который я видела сегодня...

Слова звучит набатом в голове:

- ...это истинное счастье — встретить своего человека, свою родственную душу, и жить с ней каждый день. Видеть ее, чувствовать и знать: тебя никогда не предадут и не оставят. Есть кто-то, кто пойдет за тобой хоть на край света, даже если ей придется бежать следом по льду босой...да, любовь моя? - Макс приподнимает бокал с шампанским и улыбается, - Хочу, чтобы ты знала. Я за тобой тоже побегу, потому что без тебя меня не существует. Я люблю тебя, Герда. Я всегда буду тебя любить...

Я помню, как на него все смотрели. Как смотрели на меня, но для нас двоих не было другого мира, кроме того, что был скрыт в нас двоих. Мое сердце замерло, пока он признавался мне в любви со сцены, а я гадала: чем смогла заслужить такую любовь? Ведь такой любви не бывает...

Видимо, это действительно так. Такой любви не бывает, потому что сейчас меня задувает самый северный ветер, а мой Кай прыгает в машину, чтобы уехать к своей любимой. Герда осталась стоять на льду босая. Она потеряна. Она одинока. Она напугана.

Но это не имеет значения, потому что во взрослой жизни все всегда так: важен лишь угол обзора. Для меня эта ситуация — казнь, а для него благо. Он рвет быстро и безжалостно, чтобы стереть возможные дороги обратно и дать мне

понять: между нами все действительно кончено. Надеяться больше не на что.

Горячие слезы падают с глаз, и я в порыве какой-то безумной ярости, когда задние габариты его машины зажигаются, я шепчу про себя:

- Ты захочешь вернуться. Я богом клянусь, миром клянусь, любовью! Всем на свете — и светом, и тьмой! Ты захочешь ко мне вернуться, когда вспомнишь обо всем. Тебя тоже будут преследовать призраки, и ты тоже будешь жить на кладбище. Ты увидишь нашу жизнь во сне, и ты будешь видеть ее каждую ночь! Она тебя сожрет, и ты захочешь ко мне вернуться. Но я тебя не приму обратно. Никогда. Ни за что. Землю жрать буду, лезвиями своих коньков вскроюсь, но не приму! Потому что ты убил Герду, а на ее место встала Снежная королева. Королевы не прощают. Я тебе клянусь, я тебя не прощу!

Два года спустя

Открываю глаза резко и на секунду даже путаюсь в том, где нахожусь. Мне снова снился этот сон — тот миг «прощания» на ступеньках ЗАГСа.

Морщусь.

Давно мне не снились эти сны, но иногда, конечно, бывает. Почему сейчас только?

Я почти не общаюсь с Максом. От Полины знаю, что его благоверная родила в прошлом месяце мальчика. Его назва-

ли Димой. Но это все.

Да...наверно, из-за этого и снилось. Глупо, конечно, но порой тебя накрывает с опозданием.

- Черт возьми...- тело ноет.

Я аккуратно шевелюсь, и его тут же обдает волной противных, щекоточных мурашек. Заснула в неудобной позе.

Взглядом цепляюсь за часы. Они говорят, что сейчас уже пять утра, а значит, мне пора вставать. В целом. Но стоп...

Стоп...

Что-то не так, потому что я проснулась не из-за внутреннего будильника и даже не из-за обычного. Меня разбудил...звонок?

Хмурюсь, верчусь в поисках телефона, а потом сажусь и начинаю рыться в подушках. Он лежит под самой последней и нижней из десяти. Я люблю подушки. Мне их нужно много для того, чтобы заснуть...

Экран говорит, что звонит Карина. Странно. Наши отношения...наверно, их сложно назвать теплыми, но нельзя назвать и холодными. Они ровные. Мы отделились. Сказать по правде, я отстранилась ото всех них, но об этом сейчас совершенно не думается.

Тревога долбит в мозжечок. Я резко тяну ползунок и выдыхаю:

- Карина, что случилось?!

И дураку понятно, что что-то случилось. Никто не станет звонить в такое время просто так.

Дочка всхлипывает. Весь сон тут же схлынул, как поток ледяного душа. Я неосознанно сильнее сжимаю корпус телефона и застываю. Сердце навывлет. Оно бьется так быстро, что собраться не получается.

Не своим голосом шепчу:

- Карина, что случилось?...

- Мам...мамочка...

- Господи, Карина...что...

- Мам, папа попал в аварию! - она всхлипывает снова, - И все очень...мамуль, тебе нужно приехать в больницу. Срочно, мам! Сейчас!

Я молчу несколько секунд, а может, даже минуту. Пытаюсь переварить и осознать. Не получается...

- Ты была с ним в машине?

- Что? Нет! Я была дома!

- То есть, с тобой все нормально?

- Да, мам! Со мной все хорошо, но папа...

- Ясно.

- Что тебе ясно?!

Я откидываюсь обратно на подушки и тихо вздыхаю.

- Карин, у меня работа через пару часов и...

- КАКАЯ РАБОТА, МАМА?! Ты что не слышишь?! Папа попал в аварию!

- И что дальше?

Дочь давится воздухом.

- В...смысле? Ты...ты не поняла, что я сказала?

Я уже собираюсь выдать ей базу о том, что не жалуюсь на слух, но вдруг слышу знакомое шипение.

- Ты кому звонишь?

- Маме я звоню, пусти!

- Дай сюда телефон! - трубку перехватывают, хотя это явно не просто.

Я слышу возню и парочку скабрезностей, но через мгновение похититель разговоров усмехается.

- Привет, дорогая...

Улыбаюсь.

Так уж сложилось, что единственный человек, который был полностью на моей стороне — это сестра моего благоверного. Арина не просто встала за меня горой, она разорвала все связи с братом, и пусть так нельзя говорить, но это было то, чего я хотела и то, в чем нуждалась. В единственном человеке, который понял и разделил мои чувства, а еще мир на черное и белое. В мою пользу.

- Что там за паника? - потягиваюсь, накидываю на себя одеяло, поджав его ногой, - Он реально попал в аварию?

- Ага. И...ну, тебе действительно нужно приехать, Вик.

- Зачем?

- Так по телефону и не расскажешь...

- Он умер?

- Нет.

- Он умирает?

- Нет.

- Тогда это не мое дело. У него есть жена и...

Меня перебивает тихий смешок. Я выгибаю брови:

- Что? Есть какие-то последствия, на которая наша юная особа не подписывалась?

Арина молчит пару мгновений, а потом говорит:

- Просто приезжай, окей? Тебе реально надо все увидеть своими глазами...

- Арин...

- Вик, пожалуйста. Это прям удар кармы, и я тебе клянусь...ты такого еще не видела. Рассказывать детали по телефону...это прямо кощунство. Такое нужно видеть своими глазами, чтобы в это поверить! Приезжай! Но готовься. Мне кажется...нет, я уверена! Ты офигеешь просто.

С этими слова Арина отбивает звонок, оставляя меня в неведении. Я медленно опускаю руку на холодные простыни, а потом считаю до десяти. Сердце барабанит в груди дико-дико, быстро-быстро. Навылет. До белых кругов перед глазами. Это Герда внутри меня разбивается в кровь, а в такие моменты притворяться Снежной королевой особенно сложно...

От автора: со следующей главы я открываю подписку, поэтому жду вас в блоге на традиционный розыгрыш))##

Визуал

<https://litnet.com/shrt/ipAR>

«Герда»

Вика

Цифры на спидометре говорят о мощи моей силы воли. Ровно шестьдесят — ни меньше, ни больше. Ровно по правилам дорожного движения, и нет. Я не боюсь камер, которых в Москве понатыкано столько, что даже становится страшно порой.

Мне плевать на штрафы.

Я знаю о так называемом пороге «возможностей», и что, даже если по правилам ехать нужно шестьдесят, есть вариант превысить эту цифру безнаказанно.

Просто дело действительно не в этом.

Это о дисциплине и твердости характера, можно сказать. Я еду ровно шестьдесят, прикладывая к этому всю свою волю, потому что на самом деле внутри меня Герда

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.